

**ОЛЕГ
МАТВЕЙЧЕВ**

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ВОЙНЫ XXI ВЕКА

**«МЯГКАЯ СИЛА»
ПРОТИВ АТОМНОЙ БОМБЫ**

Олег Матвейчев

**Информационные войны
XXI века. «Мягкая сила»
против атомной бомбы**

«Книжный мир»

2016

Матвейчев О. А.

Информационные войны XXI века. «Мягкая сила» против атомной бомбы / О. А. Матвейчев — «Книжный мир», 2016

ISBN 978-5-8041-0865-7

Каковы теория, стратегия и тактика информационных войн XXI века? Как с помощью «мягкой силы» можно покорить планету? Кто такая элита, чем она отличается от остальных слоёв общества и какую роль играет в государстве? Что такое геополитика, в чем заключаются основные геополитические концепции прошлого и настоящего? Почему выход СССР в космос стал наилучшим шагом в мировой геополитике? Что такое консерватизм и почему он столь важен для современного общества? В основу этой книги лёг цикл лекций известного российского политолога Олега Матвейчева. Простым разговорным языком она рассказывает о сложнейших и интереснейших явлениях, которые формируют наш мир.

ISBN 978-5-8041-0865-7

© Матвейчев О. А., 2016
© Книжный мир, 2016

Содержание

Предисловие	6
О пользе и вреде геополитики	7
Информационные войны	36
Часть 1	36
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Олег Матвейчев
Информационные войны XXI века.
«Мягкая сила» против атомной бомбы

© Матвейчев О.А., 2016

© Книжный мир, 2016

Предисловие

В данную книгу вошли лекции, прочитанные в период с 2006 по 2014 гг. в молодежных лагерях «Селигер», «Таврида», в Школе Эффективных коммуникаций «Решное», молодежном движении «Сеть» и др. Также вошли ответы на вопросы, задаваемые после лекций и в социальных сетях, после публикации данных материалов.

О пользе и вреде геополитики

Сегодняшняя лекция будет посвящена геополитике. Геополитика это наука, которая определяет важность географических факторов и их влияние на политику государств и достижение ими своих целей. Вот в самом простом варианте определение такое. Конечно, существуют десятки других определений, самых разных, которые даны различными учеными. Но первично, когда создавалась эта наука, когда впервые вводилось это понятие, оно определялось примерно так.

Термин сам введен был шведским ученым Челленом, который сам по себе как таковой не внес большого вклада в геополитику. А в дальнейшем термин геополитика использовался и был больше всего связан, ассоциировался всегда, с Маккиндером, английским ученым, который, в общем-то, и является общепризнанным отцом геополитики. Поэтому игнорировать его мы не можем. Он дал основные понятия геополитики. Он определил и область ее действия, и основные аксиомы, которые используются в этой науке до сих пор. Ну и у него же содержались какие-то такие узлы, с которыми спорили последующие ученые. И, в общем-то, в любом случае, это фундамент на котором все стоит.

Маккиндер заявляет о том, что география и политика связаны, и что сила государств зависит от их географического положения. Элементарная, в общем-то, вещь, которая была понятна всем политикам, всем вождям, монархам, полководцам, в различные периоды истории, но не была никак систематизирована в каких-то книгах, научных статьях. Поэтому только в XIX веке наука геополитика и развивается, хотя геополитическая практика, естественно, существует тысячелетия. Различные государства воевали между собой, использовали географическое положение. Различные советники, безусловно, знали о том, что география много решает в их политических вопросах. Но теории не было. И вот теорию эту попытался сформулировать Маккиндер, чтобы понять, чем пользовались мудрецы, чем пользовались советники на протяжении тысячелетий, из чего они исходили. Поскольку Маккиндер был преподавателем и профессором географии, он по-своему представлял некие географические карты, и когда он взял глобус, нашу Землю, он обнаружил, что все на нашей планете, которая уже, в общем-то, оформилась, открыто. История географических открытий кончилась, нет никаких новых америк. Все, глобус уже полностью замкнут. Так вот, на этом глобусе существует мировая суша, единая, и мировые острова. Мировая суша это Евразия, гигантский материк, к которой, в принципе, прилегает Африка и прилегает Австралия, кусочек отколовшийся, который можно и островом рассматривать, он не самостоятельный. А вот мировые острова это, прежде всего, Северная и Южная Америки, с ведущей ролью Северной Америки.

Итак, материк и острова. Вот уже есть первое разделение. Естественно что, поскольку на вот этом гигантском материке все находится, Маккиндер смотрит на техническое развитие, на культурное развитие, и понимает, что у этого материка тоже есть периферия. И Китай, и Индия, и Африка, в целом, и Европа, это как бы периферия. Вот есть центральная часть, так называемая, «материковая сердцевина», которая находится глубже всех, далеко от моря, и которая может распространять свое влияние, в дальнейшем, на весь этот самый материк. Эта сердцевина была названа Маккиндером хартлэнд, то есть «сердце земли», «сердце мира», или собственно, «материковая сердцевина», как ее везде и переводят. Это первое понятие, которое ввел Маккиндер и он вывел такую аксиому: **«Кто контролирует хартлэнд, тот контролирует мировую сушу. Кто контролирует мировую сушу, тот контролирует Землю»**. Дальше он начал изучать хартлэнд и пытался понять, а кто же контролирует хартлэнд. Что нужно для этого? И пришел к выводу что, тот, кто контролирует Восточную Европу, причем вместе с Уралом, тот контролирует хартлэнд. И таким образом в начале XX

века Маккиндер пришел к тому, что Российская империя, которая к тому времени существовала, которая по большому счету занимала ту самую «материковую сердцевину», и является контролирующим государством, контролирующим мировую сушу, и, следовательно, имеющем все претензии на мировое будущее господство. Позже, когда Маккиндер был стар, когда уже возник СССР, после нашей революции, он, естественно, отождествил этот хартлэнд и с СССР. Глядя на историю Российской империи он сказал, что крупнейшей победой Российской империи было присоединение Сибири, как большой значительной части этого хартлэнда. И собственно, после того, как Сибирь была присоединена, хартлэнд и Российская империя окончательно совпали, и окончательно оформились в качестве вот этой влияющей основы мира. Естественно, как англичанин, он не очень был рад такому своему открытию и он заговорил о том, что мы должны противостоять, то есть, Англия должна противостоять Российской империи в контроле над мировой сушей. Противостоять она может только одним способом: не давать расширяться, должна быть политика сдерживания. Для этого Маккиндер говорит о том, что мы должны установить санитарный кордон вокруг хартлэнда, так называемый «мировой полумесяц». Поскольку Российская империя не может быть атакована с севера, там Северный Ледовитый океан, и она как бы целиком развернута на остальную Евразию, то должен существовать полумесяц мировой, который будет ее огибать со всех сторон и который должен быть под контролем Англии. Некий санитарный кордон. Прежде всего, в этот полумесяц должна входить Западная Европа, должен входить Арабский Восток, и отсюда активная политика Англии на этом направлении. Союзнические отношения с Турцией. Естественно контроль Англии над Индией и сдерживание России в Китае, и желательно контроль Англии над Китаем. Собственно говоря, в начале XX века так этот полумесяц и был. То есть, Англия, она всегда пыталась контролировать Китай. Помните Опиумные войны. Это все как раз из этой серии. Индия была колонией Британии. Турция постоянная союзница Великобритании. Арабский Восток был весь перекрыт Англией. Ну и довольно сложные отношения у Англии с Западной Европой, которой Англия управляла с помощью различных ссор, по принципу «разделяй и властвуй». То есть, делала так, чтобы европейские государства использовали силу Англии в качестве арбитра в своих каких-то спорах. Напомним, что лорд Керзон, который был в то время министром в Англии, полностью придерживался теории Маккиндера, был большим его поклонником. Вот так осуществлялась английская политика в это время. Вот что, наверное, нам нужно знать о Маккиндере, как о самом главном, основном геополитике, который ввел вот эти основные понятия.

Человек, который писал практически одновременно с Маккиндером, с разницей в несколько лет, их книги и статьи в разное время выходили, но автор американский, Альфред Мэхэн, это второй отец геополитики, который посмотрел на всю ситуацию практически в этих же терминах, но с несколько иной позиции, с несколько иной оценкой. И который внес огромный вклад в геополитику, по сути дела, является ее вторым отцом-основателем. Там где мы говорим Маккиндер, мы обязательно говорим – Мэхэн. Без этого нельзя представлять геополитику. Это как говорится, два брата, но не близнеца, конечно. Мэхэн написал книгу о влиянии морской мощи на силу государств. По сути дела, Мэхэн согласен с тем, что есть большой континент Евразия и вообще есть континентальные державы. Но, одновременно, он сказал, есть и морские державы. Прежде всего, это Англия, и собственно Мэхэн был впечатлен, прежде всего, успехами Англии в XVIII, и особенно в XIX веке. Тем, как Англия, маленький остров, оказался способен стать империей, в которой жило полмиллиарда человек, практически половина населения Земли на тот момент. Империей, над которой не заходило солнце, так считали, потому что колонии ее были от самого восточного Востока до самого западного Запада. Империя, которая правила всем. Но правила она, как поется в британском гимне, правила Британия морями, прежде всего. И именно за счет того, что она правила морями, она правила сушей, она правила миром. Она богатела, она имела самые

большие колонии, и без нее не решался никакой вопрос и на суше. Какие бы войны ни были между континентальными государствами, Англия везде участвовала, принимала решения, и, в общем-то, вопросы зачастую решались так, как хотела именно Англия. Это действительно была сверхдержава, самая могущественная на планете, которую мы сейчас знаем, потому что даже нынешняя Америка вряд ли сравнится по своему могуществу с могуществом Англии в XIX веке. Что говорит, собственно, Мэхэн? Морские державы контролируют море, а море это путь. Море это не преграда, говорит Мэхэн, море это дорога. И если ты контролируешь дороги, то ты контролируешь, собственно говоря, все. Ты контролируешь мировую торговлю. В английской военной доктрине было записано, что английский флот должен превосходить, как минимум на треть, флоты всех континентальных государств вместе взятых. То есть, если они даже все соберутся, по какой-то причине, зададут себе вопрос, а что это Англия нами правит, и решат: ну-ка, мы ее победим. Так вот, если даже они все соберутся, то флот Англии должен быть больше, он должен быть в состоянии их разбить, и контролировать мировую торговлю, пути из порта в порт. Если ты их контролируешь, то ты взимаешь, как говорится, с них дань, взимаешь какие-то налоги. Можешь их всегда пограбить, если они не готовы платить деньги, как собственно пираты это и делали. Или защищаешь от пиратов. Но, тем самым, ты имеешь свой процент с каждой сделки в этом мире, то есть все купцы, которые едут куда-то и что-то везут, чем-то торгуют, они тебе платят. Ну, разве плохо?! Вот за счет этого мирового могущества, собственно, Англия поднялась, и это стало для Мэхэна основанием утверждать, что вообще, в принципе, морские державы они круче, чем все сухопутные державы. Сухопутные, они где-то там долго ходят, у них нет предпринимательского духа, они несвободны, не открыты, в них там какой-то тоталитаризм. А вот у нас, в морских державах, свобода, открытость, предпринимательство и, так сказать, морской дух победы, и мы контролируем все пути и коммуникации. Статьи Мэхэна были напечатаны, тогда их уже прочел Маккиндер, в свое время, который писал то, о чем я говорил. Но Маккиндер уже тогда выразился довольно скептически по отношению к концепции Мэхэна. Он сказал, что согласен с этим общим разделением, о чем он собственно и сам Маккиндер говорил, на мировой остров, на мировую сушу, на разделение на морские и континентальные державы, но не согласен, что автоматически существует превосходство морских держав над сухопутными. Да, конечно, Мэхэн, правильно говорит, что морская держава имеет определенные преимущества в торговле, в контроле над коммуникациями. Но для того, чтобы строить флот ты должен все равно иметь на суше, на своем острове, развитую промышленность, ты должен все равно опережать всех, хотя бы во флотоводческом искусстве, построении самых современных кораблей, то есть, технологическом развитии. У континентальной державы тоже много ресурсов, для того чтобы иметь развитые технологии, в конце концов они тоже корабли могут построить, у них у многих есть выходы к морю. Понятно, что Мэхэн говорит, что мы не просто должны быть морской державой с флотом, мы должны лидировать на мировой суше, контролировать все порты. Мы должны контролировать ее по периметру, по сути, по тому же самому полумесяцу, о котором говорил Маккиндер. Будем огибать со всех сторон материковую сердцевину, и контролировать порты. Если мы их контролируем с помощью своего флота, через них же осуществляется торговля, то мы, собственно, контролируем и все остальное. Но это не всегда может получиться. Простой пример, Римская империя, сухопутная, в значительной степени. Основные войны были там на суше и, в общем-то, сила римлян была все-таки в легионах в этих римских знаменитых, а вовсе не в кораблях. И наоборот, Карфаген. Карфаген, который был, по сути дела, морским городом-государством, который контролировал средиземную торговлю. Он постоянно мешал римским кораблям, римской торговле. Ну и постоянное вмешательство привело к тому, что война между Римом и Карфагеном возникала в итоге. Несмотря на прекрасные полководческие таланты того же Ганнибала, например, несмотря на это, все

равно римляне победили Карфаген и разрушили его, уничтожили, и стали контролировать морскую торговлю. Вот простой пример, который опровергает теорию Мэхэна, что всегда морские державы будут побеждать... Отнюдь не всегда. Сухопутные могут взять, сконцентрироваться и победить. Если дальше в историю посмотрим. Крито-микенская культура в Греции. Остров Крит. Он контролировал все Средиземное море. Но пришли греки с Балкан, протогреки, естественно, ахейцы там всевозможные, и они разгромили крито-микенскую культуру, пришли на ее почву. И потом сами стали морской державой, своего рода. Самый свежий пример, это Британия. Этот пример связан с нашей историей, обязательно его нужно взять. Британия, когда становилась владычицей морей. Это прекрасно осознавали, прежде всего, это осознавал Наполеон в свое время, когда произошла революция во Франции. Кстати, не без участия англичан, не без их поддержки Франция была заражена революционными какими-то вещами. Причем Англия помогала одновременно революционерам, и вроде бы за монархию выступала. То есть, задача была в том, чтобы гражданская война шла как можно дольше, ослабляя Францию. Но когда все это кончилось, пришел Наполеон. Он был великим стратегом и геополитиком, он сразу понял, что сила Англии держится на ее флоте. И у него возникла идея объединить континентальные государства, для того чтобы устроить блокаду Англии. То есть, если мы ее блокируем, и подвоз товаров и всего остального на остров прекращается, то режим падет и никакой Англии, как великой державы, не будет. Большую часть работы Наполеон сделал сам. То есть, он просто захватил все континентальные державы для того, чтобы они, подчиняясь ему, присоединились к блокаде. И в Испанию был поход, и Италия была подчинена, Австрия и Германия и все остальные. Он все захватил. То, что он не захватил, это Россия. Она далековато. Но он вступил в отношения, дружеские отношения, с нашим императором Павлом, которому объяснил, что союз против Англии, союз Франции-Германии-России, то есть всех континентальных государств, губителен для Англии. А Англия является самой вредной для нас всех страной. Павел смотрел на жизнь несколько по-новому. Тут нужно понять, что его мать, Екатерина, она мало того что пришла к власти при поддержке англичан и в целом никогда не вредила англичанам в своей политике, и старалась с ними как-то договариваться. Но она, конечно, была очень испугана творящимися во Франции революционными событиями. Она же все-таки монарх. А там монархам головы рубят, революции всякие обычно не нравятся монархам. И поэтому она косо смотрела на Францию. Павел, увидев, что Наполеон, по сути дела, реставрировал монархию, что он ушел от этой революции, что он сам стал почти императором, не боялся революционной заразы, которая может проникнуть и в Россию. Он спокойно пошел на этот союз. Сначала он тоже конечно дрался, помните, Суворов ходил в Италию, потом был переход через Альпы. А потом Павел пошел на этот союз и понял что это очень удобно. Более того экспедиционный корпус отправился в Индию. Павел отправил в Индию экспедиционный корпус, который должен был, как минимум, до Индии дошел бы он или нет неизвестно, но захватить государство типа Бухарского ханства, Афганистана, Пакистана. То есть, чем дальше до Южного моря он дойдет, тем удобней будет разговаривать с англичанами. А это их колонии. То есть, мы посягнули на их колонии. Что случилось после этого с Павлом, мы все помним. Английский посол был непосредственным организатором убийства императора Павла. Императора Павла убили, задушили. После этого пришел Александр II, который тут же начал вести проанглийскую политику. Он поссорился с Наполеоном, он вступил с австро-венграми в союз, он начал вести против Наполеона кампанию, он перестал блокировать Англию. В конце концов, он проиграл Аустерлицкую битву, подписал Тильзитский мир, то есть, Наполеон его принудил к тому, чтобы он все-таки присоединился к блокаде. Но Александр нарушал этот договор, все равно с Англией взаимодействовал, торговые операции вел. Ну и Наполеон собственно, заявил, что, мол, Россия сама виновата, видит Бог, я не хотел на нее нападать, но поскольку она нарушает условия мира, блокады и всего осталь-

ного, то он объявляет войну и вторгся сюда. То есть, по большому счету англичане добились того, что они поссорили две континентальные державы убийством Павла. Что получилось из этого? С нашей стороны погибло огромное количество людей. Французская сторона была полностью разгромлена по итогам, мы вошли в Париж. То есть, все пострадали, а победителями вышли, опять, одни англичане. Все красиво у них. На самом последнем этапе войны, когда мы уже разгромили Наполеона, когда уже 500 тысяч человек, которые вошли в Россию, бежали позорно, были уничтожены, и только 80 тысяч человек вернулось из 500 тысяч. Тут откуда ни возьмись, появляются англичане и говорят, что мы тоже победители и при Ватерлоо участвуют в победном бою, в победном сражении, и потом делят вот этот вот самый мир. То есть, виртуозная операция английской дипломатии, английских военных. То есть, это как раз показывает нам, что вообще-то говоря, Англия находилась на грани вот этой блокады и возможности того, что морские державы ничего бы не победили. Континентальные могли с ними справиться. То есть, урок всем: континентальные державы должны сохранять единство между собой, для того чтобы противостоять морским. А морским, соответственно, нужно разделять и властвовать. Совершенно две разные, принципиально, стратегии. Для континентальных держав полезен мир, объединяющие скрепы, единство, провозглашение и акцентуализация внимания на чем-то общем между народами. А морские державы, для того чтобы выжить, обязаны сеять войны, они обязаны сеять разруху, они обязаны сеять смерть, они обязаны сеять противоречия между всеми. И вот этот цинизм морских держав, прежде всего Англии, он собственно, сохранился до сегодняшнего дня. Они легко могут сбить «Боинг» какой-нибудь, как мы только что видели, кого-то в чем-то обвинить, например, Россию, кого-то убить, вот как с Павлом это было. Это в традициях, потому что это, собственно, является залогом их выживания, вообще как такового. Иначе, если ты не будешь этого делать, тебя захватят, и ты погибнешь. Поэтому совершенно цинично Англия поступила, когда Англия в XX уже веке уходила из своих колоний, по итогам Второй мировой войны, по итогам восстания в Индии, под руководством Ганди. Англичане были вынуждены уйти, там была война за независимость, мирная война, то есть, просто отказались индийцы англичанам подчиняться. Сели и сказали: «Мы не будем подчиняться. Все, до свидания!». Англичане поняли, что не уничтожишь же сотни миллионов человек, просто поняли, что нужно давать независимость. Так вот, когда они давали независимость, они так поделили Индию на штаты, и в том числе не только штаты, еще есть Пакистан как государство, максимально неправильно поделили, чтобы получилось, что разные народы живут в разных штатах, за границами. Для чего? Для того чтобы между ними всегда была вражда. Вот они ушли, а вражда остается. Вечный спор останется: вот здесь это наша, а это не наша территория. И это для того, чтобы англичане всегда могли вернуться и вмешиваться. Англичане – третейский судья. Мы, англичане, знаем, как с вами поговорить, и с ними, и с другими, и с третьими, и так далее. То же самое творилось на Ближнем Востоке. Не буду сейчас все рассказывать. Но там где нефть, эти арабские сложности, кланы. Кто от пророка Мухаммеда происходит, кто еще откуда-то происходит. Много разных династий, много разных стран, много разных племен, которые кочуют по пустыне. Все было поделено так, чтобы максимально играть на этих противоречиях, чтобы потом всегда иметь возможность натравить одних на других, одну династию на другую, один народ на другой, и всегда быть третейским судьей при этом. Ну и попутно получать нефть, естественно, для своих заводов, танкеров, для всего.

Вот две теории, про которые я сказал. Но есть у геополитики как бы третий отец-основатель, который занимает, опять-таки, принципиально другую позицию по отношению к вышеназванным Мэхэну и Маккиндеру. Это Карл Хаусхофер, немец. Поскольку он родился в Германии, родился на континенте, то он, естественно, рассуждал с позиций континентальной державы, немецкой державы. И вот он, признавая опять-таки разницу между морскими державами и континентальными державами, и стоя на позициях континентальной

державы, как раз сформулировал те основные принципы, при которых континентальная держава может владеть, или, скажем, господствовать, или навязывать свою волю морским державам. Это, как я уже говорил, некий мир между этими державами. И он говорил о триединой оси. Это Берлин – Москва – Токио. Он назвал Токио, поскольку японская империя в значительной степени влияла и на Китай, и на Манчжурию. Это сильнейшее государство того мира. Вот он считал, что это сила. Жил бы он попозже, он, наверное, назвал бы Пекин. Пекин – Москва – Берлин. То есть, Германия, по его мнению, контролирует Европу, Россия контролирует Восточную Европу и большую часть Азии. А Тихоокеанскую Азию контролирует, в том случае, Токио, а в другом случае – Пекин. И вот если эта ось будет собрана, то таким образом, материковая сердцевина будет собрана, она едина, и она в состоянии от диктата морских держав, прежде всего Англии и Америки, полностью избавиться. Следующим фактором победы континентальных держав Хаусхофер считал развитие технологий, в частности развитие авиации.

Смотрите, как интересно движется, вообще, наука геополитика. Если Маккиндер сфокусирован на земле, то есть, кто владеет землей, твердым, тот владеет миром. Мэхэн говорит: «Нет. Тот, кто владеет морем, водой, тот владеет миром». И тут приходит Хаусхофер и говорит: «Нет. Тот, кто владеет воздухом, владеет миром». Понимаете, все стихии как бы берутся. «Мы будем владеть воздухом», – заявляет Хаусхофер. Авиация, которая способна летать и над морем, и над сушей, и которая способна преодолевать огромные расстояния, тем самым сушу и море делает меньше. Потому что когда ты пешочком идешь по суше или на корабле плывешь, это долго. Когда на самолете летаешь, у тебя, как бы, все пространство сжимается. Ты можешь бомбить порты, ты можешь бомбить корабли, ты можешь перелетать на острова. Для тебя не существует мировой суши и мирового океана, то есть весь земной шар становится маленьким. То есть развитие авиации является ключевым моментом и это выход для континентальных держав. Во-первых, они сокращают расстояние, во-вторых, в принципе, эти самолеты, они не требуют какого-то базирования, морского, например, как порт. Порт только на море может стоять, а самолет ты можешь где угодно поставить. Поэтому когда морские державы контролируют твои порты с помощью, какого-то полумесяца, или еще чего-то, это не так страшно, как раньше. Порты ради Бога, пускай контролируют, а мы понастроим аэродромов и разбомбим все что угодно. Хоть на территории острова, хоть на территории порта, хоть в море непосредственно. Поэтому господство в воздухе является залогом всего, а господства в воздухе легче добиться именно континентальным державам, потому что у континентальных держав есть ресурсы. Вот теория Хаусхофера, которая стала, в значительной степени, влиятельной, в значительной степени повлияла на Гесса, Гитлера, Геринга. Потому они и пытались строить некую эту ось между Берлином, включая сюда Италию, включая сюда Турцию, включая сюда Россию, когда, в том числе, шли на пакт о ненападении, пытались строить и союз с Японией. Другое дело, что сам Гитлер был в душе англофилом, и это чувствуется по его книге «Майн Кампф», и он считал, что лучше разделить мир между Англией и Америкой и Германией, которая захватит ту самую, мировую сердцевину. А чтобы захватить и контролировать мировую сердцевину, нужно захватить Россию. То есть, не в союзе быть с Россией, а просто ее себе подчинить, а уже потом разбираться с Англией и со всеми остальными. То есть, это собственно, его погубило, потому что никто не отменял законы этой самой геополитики. То есть, всякий, кто покушался на мировую сердцевину, он, в общем-то, находил свой бесславный конец. Мы вспомним историю России, мы обнаружим, что нас пытались захватить поляки, и дошли даже до Кремля, Москву брали, но все равно все плохо для них кончилось, мы победили их. До поляков, крымский хан, крымские татары, доходили и пытались уничтожить наше государство. Это кстати было при Мамае. То есть Мамай хотел уничтожить нашу государственность, он был крымским темником, и в битве на Куликовом поле проиграл. Потом когда был крымский хан Гирей, в битве при Молодях

мы тоже победили его. Хотя он шел для того, чтобы полностью уничтожить Москву. Проиграл. Шведский король Карл шел на нас, под Полтавой проиграл. Наполеон проиграл. Гитлер сунулся, опять проиграл. Всякий кто покушается на нас, он проиграет и это не просто так. Это закономерно. Дело в том, что ресурс вот этой вот мировой сердцевины, которую контролирует Россия, он, во-первых, очень огромен. Вот эти самые огромные расстояния, дороги и так далее. Очень важно, что у нас защищен север, нам никто не ударит с тыла. Все кто на нас нападал, они имели определенную уязвимость. Например, та же Германия, ей всегда приходилось воевать на два фронта. То Франция где-то в тылу, то какая-нибудь Англия где-то в тылу, то Италия, то Америка, то другие страны европейские. И чуть что... Тебе нужно, во-первых, держать какие-то гарнизоны, чтобы защищать тыл. Хоть Наполеону нужно было держать гарнизоны, хоть Гитлеру. Ты не можешь бросить все силы. Все равно нужно контролировать тыл. Во-вторых, ты знаешь, что как только ты проиграешь здесь, всегда возникнут какие-то люди там, которые поднимут восстание, которые будут бить тебе в спину. Им нападать чрезвычайно тяжело. Нам защищаться гораздо легче, потому что мы имеем защищенный тыл, мы можем отступать, можем наступать, как бы дышать. Время собирать камни, время разбрасывать камни. Но у нас есть вот эти расстояния, которые очень трудно преодолеть и которые очень трудно контролировать. Поэтому, собственно, как я и говорил, с Гитлером произошел вот этот закономерный итог. Невозможность взять эту самую мировую сердцевину. Хотя были причины поражения Гитлера и другие, в том числе идеологические и о них я скажу после.

После Второй мировой войны появились новые теоретики геополитики. Прежде всего, нужно отметить Спайкмена. Это человек, который на современном уровне, используя современную ему послевоенную ситуацию, пытался по большому счету в тех же терминах осмыслить текущую ему ситуацию. Он ввел понятие римлэнд. То есть кроме хартлэнда, римлэнд. Но по сути дела этот римлэнд совпадает с тем, что Маккиндер называл полумесяцем. То есть это контроль над портами, контроль над побережьями большого острова. То есть со стороны морских держав мы должны контролировать побережье. То есть когда американцы сразу после войны начали конфликт в Корее, во Вьетнаме. Естественно захватили и полностью поддержали восстановление Западной Европы. То есть он сказал, что мы должны окружить Советский Союз, мы должны запретить его в этих самых границах. Поэтому войны в Индокитае, в Корее, поэтому отделение Европы.

Дальше мы создали атомные бомбы. И Советский Союз, и Америка. И возникла новая геополитическая ситуация, возможность нанесения друг другу так называемого неприемлемого ущерба. То есть ущерб таков, что он, по сути дела, подрывает экономическую, политическую и прочую мощь государства. Почти его уничтожает. Бомбы были опробованы американцами на Японии. Было видно, какова их разрушительная сила. И конечно, никто не хотел, чтобы бомбы, которые были еще мощнее, и которых было еще больше, упали бы на территории наших стран. Возникла патовая ситуация. Карибский кризис показал, обе стороны хоть и ввязались в противостояние, но крайне не хотят, чтобы это противостояние развивалось дальше, и они отошли от военного противостояния друг другу. Хрущев и Кеннеди нашли способ договориться так, чтобы мы ушли с Кубы, а они ушли из Турции. И в итоге патовое состояние возникло.

Вот эту ситуацию описывает следующий геополитик – Майнинг. Майнинг ввел понятие культурной экспансии. То есть, по сути дела, у него у первого содержится намек на теорию холодной войны. Что если мы и должны как-то влиять друг на друга, морские державы, сухопутные, противостоять как-то в мире, и вообще сила государств, она зависит уже не от земли, не от воды, не от воздуха, а от культуры. От культурного влияния. То есть сила кораблей, сила танков, сила пехоты, в этом мире начинает играть меньшую роль, потому что атомная бомба не дает их применить. Мы можем делать мелкие столкновения чужими руками,

как это было во Вьетнаме или в Корее, но глобальное изменение в мире может быть только за счет культурного влияния. И Майнинг говорит о том, как Америка должна побеждать в холодной войне. Она должна закрепить свое культурное доминирование, культурные коды, свою идеологию. Морским державам и Мэхен и Майнинг приписывали атрибуты рыночности, демократичности, предпринимательства, свободы, либерализма. И поэтому, вот эти ценности, которые как бы есть у морской державы и у морского духа должны навязываться прежде всего по всему побережью, по всему миру. Майнинг также ввел несколько понятий, разделений в геополитике как науке. Он разделил все государства на стержневые, переходные, бурлящие и неудачные. Стержневые государства это те которые, по мнению Майнинга являются самыми передовыми государствами мира и в которых наиболее полно отражен тот дух о котором он говорил. То есть свобода, предпринимательство, цивилизация, технический прогресс и так далее. Это понятно, Америка, Англия конечно, в значительно степени это страны Западной Европы. Дальше переходные. Переходные страны, это те страны, которые имеют шанс достигнуть вот этой самой цивилизованности, стать стержневыми. Это Япония, которой помогали, это Израиль, который тоже при помощи Америки, какие-то страны, стремящиеся к этому в перспективе, какой-то, возможно, Китай, с которым тогда Никсон договор заключал. И возможно, в перспективе Советский Союз, если он будет культурно подчинен этим всем странам. Бурлящие страны, или горящие страны, это те в которых по различным причинам существуют постоянные какие-то конфликты. Это Ближний Восток, арабо-израильский конфликт. Это индокитайские какие-то конфликты. Это постоянные перманентные конфликты в Африке. Ну и в Латинской Америке периодически какие-то конфликты возникали. И наконец, неудавшиеся государства, это те которые пытались создать некую государственность или еще что-то, но у которых ничего не получалось. Но на тот период это была, если не ошибаюсь, Албания, и еще ряд латиноамериканских и африканских стран, он называл. Страны, которые держались на марионеточных режимах, на помощи других государств, по сути дела, а сами были квазигосударствами. Сегодня термин «неудавшиеся государства» применяется ко многим, например к той же Ливии, Ираку, которые пытались что-то построить. И вот Украину сейчас называю неудавшимся государством.

В дальнейшем геополитика как наука не претерпевала революционных изменений на Западе. Вот известный геополитик Бжезинский, который написал несколько книг, самая знаменитая из которых «Мировая шахматная доска». Это не человек уровня Маккиндера, или Мэхэна, или Спайкмена, или Майнинга. Это человек, который берет их категории, которые я уже вам перечислил, и просто применяет к текущей политической ситуации, советуя как поступить в том или ином случае, той или иной американской или английской администрации. В принципе, для него, для Бжезинского, категории, которые введены всеми, они остались теми же самыми. Он естественно рассуждает с позиции мирового острова, с позиции Америки, или с позиции англосаксов. Мировая суша для него является мировой шахматной доской, на которой нужно играть американцам и англичанам так, чтобы ссорить между собой различные страны, проводить границы, искать каких-то союзников, временных. Делать все, чтобы эта материковая сердцевина никогда не стала единой и никогда не могла оказать Англии и Америке какое-либо сопротивление. Поэтому все его советы, они собственно связаны с контролем над вот этим римлэндом. То есть он говорит, чтобы нам играть на мировой шахматной доске, у нас есть на Востоке непотопляемый авианосец Япония, наш стратегический главный союзник. Он должен рулить Востоком, Кореей, Китаем. Поскольку он самый богатый, то мы влияем через него на все. Есть Тайвань, кусочек отколовшегося Китая. Также наш союзник. Вот мы, таким образом, влияем на эту сторону. В крайнем случае, мы там еще какого-нибудь союзника себе найдем, типа Южной Кореи, которая тоже будет влиять. Вот мы поставили фишки на этой доске таким образом. Теперь как мы будем влиять на западной стороне. Ну, у нас, конечно, есть Англия, которая влияет на всю Западную Европу.

Блок НАТО, который влияет на эту самую часть. Союзником он видит Польшу, поскольку сам из Польши происходит. Польша главный союзник в Европе в борьбе с Россией. На Ближнем Востоке союзник Израиль, который тоже влияет на все. То есть, мы везде расставляем на этой доске какие-то свои фишки, и таким образом через этих союзников и партнеров сдерживаем Россию, которая по определению является врагом. И самое лучшее, что с ней может произойти, нужно чтобы произошло, чтобы она была максимально раздроблена на большое количество государств. То есть цель, которая объявляется последние двадцать лет американскими геополитиками, состоит в том, чтобы максимально раздробить Россию. Во-первых, максимально ослабить ее. Во-вторых, превратить ее в некую черную дыру, которая не приносит никаких хлопот. Есть некое нищее население, которое занимается своими перманентными выборами, перевыборами, дерется друг с другом. Национальные конфликты, социальные конфликты, бедные на богатых, богатые на бедных, черные на белых, белые на черных. В общем, что-то вот такое. Какая-то каша, которая никак не занимается геополитикой, то есть отсутствует как геополитический игрок. Что значит геополитический?

Геополитический игрок, это тот который принимает во внимание в своей политике Землю, гео. То есть, если ты геополитический игрок, ты рассуждаешь с позиций всей Земли. Если ты не геополитический игрок, ты рассуждаешь с позиции только своего внутреннего государства. Это очень важно, иметь это геополитическое мышление. Если вы посмотрите на нашу оппозицию сейчас, вы обнаружите очень частый, почти всегда возникающий ход с их стороны. Они начинают говорить: «А вот у нас, в России, например, что-то, плохо». Экономический рост, например, стал хуже, у нас там зарплата перестала расти, или выросли какие-то цены, или еще что-то такое. Логичнее, для меня, как человека, который мыслит геополитически, всегда спросить: «Все познается в сравнении», – говорю я. – В мире 200 стран, 180 из них как минимум живут хуже России. Более того, даже те страны, которые вы считаете образцом, например Япония, богатая, прекрасная, замечательная. 20 лет нулевой экономический рост в среднем. Западная Европа, ваша любимая, почти нулевой экономический рост сейчас... В Америка 1-2-3% в лучшем случае добиваются, прямо как в СССР в «эпоху застоя». Вообще мировой кризис везде идет. Большое количество стран, где никакого роста нет, где есть падение. И вообще если взять последние десять лет, по темпам экономического роста Россия как раз в первой десятке. И вот тут начинается: «Ну что вы там рассказываете про Америку, что вы нам говорите про Европу. Что нам Япония какая-то? Вы нам отвечайте за Россию. Зачем нам весь мир, зачем про это говорить?». А мы разве не часть мира, хочется задать вопрос. Почему вы так упорно хотите нас заставить мыслить категориями своего угла, почему вы не хотите, чтобы вы мыслили геополитически, как это делают американцы те же самые, англичане, про которых мы говорим. С позиции всей планеты. Почему вы нас загоняете в инфантильную ситуацию? Почему я называю ситуацию инфантильной? Потому что мне это напоминает подростка. Когда подростку 12–13 лет он же мира не знает, страны не знает, в этом ни в чем не разбирается. У него в принципе во всем виноваты родители. Потому что если мне джинсы не купили, ну папа с мамой, предки, такие-сякие отказали мне в джинсах. Он не вникает, что папа не может зарабатывать миллионов, он не Абрамович почему-то, мама тоже не Абрамович. Или еще какая-нибудь проблема, психологические какие-нибудь напряжения. У родителей, может быть, карьера не складывается. Может у них там какие-то на работе проблемы есть. Между собой какие-то проблемы есть и так далее. Подростку на все на это наплевать. НЕ Абрамович ты папа? Ну плохо, папа, что ты не стал Абрамовичем, ты лох значит... У подростка в любом случае виноват ближний. Поэтому против родителей, прежде всего, идет этот протест. Потом, конечно, человек вырастает, когда ему становится 18 лет и больше, он понимает что родители это тоже часть мира, это не боги, они не всемогущи, они сами живут в этом мире, довольно сложном, и им тяжело решать и свои проблемы и еще проблемы детей и проч. То есть, они просто обычные люди и не надо с них спрашивать

за весь мир. Мир очень большой. Но когда человек выбрался из ситуации вот этой своей семьи, еще не значит что, он стал взрослым, потому что, по сути дела, вместо родителей он точно также начинает критиковать власти своей страны. Он говорит, что ладно, папа и мама теперь не виноваты, как в 13 лет, что джинсов у меня нет. Но теперь Путин виноват, власти виноваты. А почему они не сделали, чтобы мы все жили богато, чтобы у нас все в стране было зашибись? Почему у нас дороги плохие, почему у нас что-то неправильно делают? Почему воруют? Кто за все отвечает? Да Путин за все отвечает! В прежние времена это был Брежнев или Горбачев... Юноши не видят дальше своего носа. Если мы плохо живем, или есть какие-то проблемы в стране, вот она виновата, эта самая власть. И враги наши поддерживают вот этот инфантильный способ мышления. Потому что на самом деле этот ребенок не повзрослел, он только вышел из своей семьи, но он в масштабах страны исповедует ту же самую логику. Почему он не подумал обо всем мире в целом, почему он не сравнил Россию с другими. Не посмотрел на динамику. Стали жить мы лучше или хуже? То есть, власть все-таки старается что-то делать или она только ухудшает положение? Если даже хуже стали жить, а давайте посмотрим все остальные лучше стали? А, если они лучше, а мы хуже, тогда может быть есть претензии к власти. А если еще с другой стороны посмотреть: все стали лучше, а мы хуже. Так может быть, просто они нас ограбили? Тоже можно задать вопрос. То есть, нужно смотреть на мир в целом, и если ты хочешь понять часть этого мира, ты должен понять сначала целое. То, как устроены вот эти геополитические процессы в этом мире. Если ты понимаешь логику всех субъектов геополитики, то тогда ты можешь понять, а что собственно может руководитель твоей страны. У него вообще коридор возможностей какой? Вот это он может сделать, а вот это он не может сделать, по каким-то причинам, потому что ему будут мешать, и будет мешать весь мир. А вот здесь он сделал так, что это не заметили. Молодец! Плюс ему нужно поставить. А вот здесь он не сделал, здесь он ошибся. Тогда только ты можешь давать оценки... Когда же ты не смотришь на весь мир принципиально, а просто для тебя он существует в виде какой-то иллюзии, ты будешь заблуждаться: «Ой, типа я был», – как вот недавно Макаревич написал, «я был в Испании, все пьют вино, все замечательно, все красиво и что нам рассказывают про кризис?». Наверное, там пьют вино и все замечательно, но есть статистика. Давай ее изучим и посмотрим. И обнаружим, что 50 % молодежи безработные, 25 % вообще безработица как таковая, по всей Испании, что страна имеет отрицательный экономический рост, что от страны пытается отсоединиться Каталония, то есть серьезные сепаратистские тенденции. Долг равен 100 процентам ВВП. В Испании масса всяких проблем. Если ты научно пытаешься к этому подойти и понять, то ты легко можешь это сделать. А если ты по принципу неких иллюзий «а там у них хорошо, а у нас плохо, значит надо нашу власть сменить, а тех вот слушаться», то это просто на уровне детского сада. Сказочку какую-то рассказали, картинку показали. На уровне каких-то дикарей, которым дают бусы и забирают у них золото. Вот точно также поступили с Украиной, когда сказали, что вот смотрите какая красивая Европа, вот сейчас вы подпишете соглашение об ассоциации, и вы будете жить хорошо. На самом деле вот что получилось с этой Украиной, мы все видим.

Теперь я бы хотел посмотреть на наш русский вклад в геополитику. Мы сейчас говорили о геополитике как движение в англо-саксонской мысли, ну может быть частично в немецкой, если Хаусхофера брать, в европейской, западной мысли. Но дело в то, что Россия тоже не лыком шита, она тоже рассуждала, она в то же время ко всему этому относилась определенным образом. А вообще-то говоря, материковая сердцевина-то – наша. А случайно ли это? Нет, не случайно. Мы, вообще-то говоря, на протяжении истории сумели создать величайшую империю, и контролируем ее до сих пор. Наверное, мы все-таки не дураки? У них там много теоретиков, но, наверное, и у нас что-то есть, и имеет смысл посмотреть, а

что это такое, что у нас есть, прежде чем говорить, что вот, мол, они такие умные, нас как хотят разводят как лохов, а мы только пассивные жертвы развонок.

Во-первых, в XIX веке возникли некие наши публицисты, мыслители, которые пытались осмыслить опыт нашей истории. Они не называли это геополитикой, хотя они осмыслили это почти в тех терминах. И первое, что они противопоставили, это противопоставили Россию и Запад. И показали, что Западные империи и Российская империя строятся на совершенно разных основаниях. Совершенно по-разному они строятся. Пожалуй, за исключением, и то оно почти не является исключением, такая переходная Австро-Венгерская империя. Я про нее отдельно скажу. Она похожа на российскую тем, что тоже была многонациональной. То есть в Австро-Венгерской империи кроме немцев, евреев, мадьяр, славян различных видов, чехов, словаков, лужичан и так далее, жило очень много национальностей. Они имели, к сожалению, разные права, и это как раз делает ее похожей на другие западные империи, но принцип существования Австро-Венгерской империи, он сформулирован был так, подходил в еще большей мере для Российской империи, чем для самой Австро-Венгерской империи. А принцип был такой: «Пока другие воевали, мы женились». Действительно, Австро-Венгерская империя Габсбургов возникла через династические браки, через присоединение различных княжеств к этой империи, не путем завоевания. Россия в значительной степени расширяла свою имперскую мощь тоже не путем завоеваний. В основном это была христианская проповедь. То есть приходили, проповедовали всевозможным диким племенам, рассказывали о Библии, прежде всего сами люди, которые приходили, являли собой пример христианской нравственности. То есть, против этих людей не хотелось воевать. Приходят купцы и ведут свои дела честно, так что туземцы не обижаются на них, они рассказывают про своего Бога, про Христа, и это им интересно, и они видят в этом некую высшую ступень религиозного сознания, чем в своем язычестве. Да были какие-то войны, столкновения. Но они тоже были честными. **А самое главное, даже если мы и воевали, самое главное что, побежденный нами получал ровно то-же самое, что победитель.** Понимаете, какой интересный эффект. То есть, идет война, мы побеждаем, и вот тот побежденный получает приз. А именно, ровно то-же самое, что есть у победителя. Это уникальная вещь, которой не было ни в одной империи. То есть те побежденные нами народы, включенные в нашу империю, получали те же самые абсолютно права, что все. Что-нибудь подобное было в других империях? Ничего подобного близко даже не было. То есть если англичане побеждают Индию, она становится колонией, ее выкачивают, выдаивают, продают там дешевые ткани, рушат их производство, там миллионы умирают от голода, потому что это не люди. Продают в Китае опиум, там умирают эти люди, пожалуйста, ничего страшного. Если китайцы запрещают опиум продавать, мы их разбомбим, расстреляем. Можем, кого угодно вырезать, как была вырезана вся Северная Америка, всех индейцев. Кого водкой споили, кого так уничтожили, потому что это не люди. Ничего подобного у нас не было. У нас тоже туземцы пили водку, но у нас царь специально запрещал продавать им водку, зная, что монголоидная раса больше подвержена алкоголизму. У нас специально действовали в империи такие законы, которые даже освобождали от налогов туземцев. Даже часто побежденные жили лучше, чем победители. Вот простой пример, Грузия. Такова уж специфика была, что в Российской империи сословие аристократии составляло один-два процента людей. В Грузии, там же каждый – князь, там десять процентов было князей. Вот есть у тебя пять баранов, ты уже князь, деревня у тебя, ты уже князь. Всем этим людям, когда была Грузия полностью присоединена, всем оставили их княжеское достоинство, то есть они все стали автоматически князьями, равными нашим князьям. В Польше шляхта 15 % от населения составляла, все польские шляхтичи автоматически стали дворянами с полным правом нашего русского дворянства, 15 процентов населения. Что у нас своих что ли 15 % не было, чтобы их тоже князьями и баронами назначить? Можно ли себе представить... Конечно, Советский

Союз это уже не Российская империя, но в значительной степени ее продолжение и по традициям, и по своему подходу. Можно ли себе представить, что из какого-нибудь захудалого индийского штата какой-нибудь нищий сын сапожника стал бы премьер-министром Англии? Невозможно. А сын сапожника, огрузиненный осетин Сталин, спокойно возглавил Российскую империю, всю материковую сердцевину! Пожалуйста, абсолютное национально меньшинство... Татары? Пожалуйста. Сколько татарских родов было на службе царской. Тоже никаких вопросов. То же самое с тувинцами, с бурятами, со всеми остальными. Эта традиция была продолжена и в Советском Союзе. Прекрасно жила Прибалтика, прекрасно жили все восточные страны, самая дорогая богатая республика, Грузия была, в которой если у тебя нет «Волги», машины, значит ты не грузин. Поэтому развивали все так называемые национальные окраины, эта традиция была еще традицией царской России. Вот таким образом эта империя строилась. И она строится на своем культурно-историческом типе. Она культурно-исторически является христианской, как считали наши славянофилы, и в этом смысле она крайне отличается от Запада.

Наш первый, если можно так выразиться, геополитик Данилевский, который написал книгу «Россия и Европа», во-первых, ввел понятие культурно-исторического типа. Он сказал, что человечества как такового не существует, это абстракция, есть разные культурно-исторические типы, и вот что можно назвать русским типом, это отдельный культурно-исторический тип, полностью отличающийся от западноевропейского типа. Мы по другому строим культуру, общение, экономику, политику, у нас все другое. Поэтому мы с ними никогда не сойдемся, мы всегда будем как бы воевать и наши интересы, зачастую, противоположны. Поэтому увлечение нашей культуры западничеством по сути дела несет огромный вред России. То есть, когда мы вещи, которые у них полезные, принимаем у себя, они оказываются вредоносными для нашего культурно-исторического типа. Как говорил Суворов: «Что русскому хорошо, то немцу смерть». Вот как бы и наоборот, что немцу хорошо, то русскому смерть. Вот та мысль, которую хочет подчеркнуть Данилевский. Данилевского любили и Достоевский, и Страхов, и Гумилев – основоположник Евразийства его цитировал. Евразийство это как раз вот это течение, которое собственно настаивает на том, чтобы есть особый евразийский тип... Почему он евразийский, а не просто русский? Потому что у нас смесь разных наций и народов, потому что мы очень толерантны. Это у них в Европе мода на толерантность последние 20–30 лет, а у нас тысячу лет эта толерантность. Мы вместе живем с разными религиями и народами, и поэтому мы не должны подчеркивать некий свой национализм. Если мы начнем подчеркивать национализм, и говорить что какая-то нация лучше всех, а все остальные непонятно кто, то получится то же самое, что уже разрушило ни одну империю. Византийская империя рухнула, когда эллины сказали, что мы – греки, а вы армяне, македонцы вообще непонятно кто. Поэтому начались конфликты, клановые войны, ослабление, а потом и разрушение Византийской империи. Австро-венгерская империя, та же самая ситуация. Немцы кичились тем, что они немцы, что они самые дисциплинированные, ученые и так далее. А всякие славяне, цыгане, это всякое непонятное быдло. Это в итоге привело к ненависти славян к немцам, к их нелояльности. И когда вроде бы большая Австро-венгерская империя в Первой мировой войне напала на ту же Сербию, она не смогла справиться. Сербия была монолитной, очень отчаянной и доблестной, а тут был сброд в австрийской армии, который не понимал, зачем он воюет и каждому славянину не хотелось убивать славянина-серба. Мадырам тоже было непонятно, зачем они воюют, потому что они мечтали о своей отдельной Венгрии. Немцы были в меньшинстве и видели, что другие не воюют, и соответственно тоже плохо воевали. Только на них покрикивали, тем самым увеличивая ненависть к себе. То есть армия оказалась небоеспособной. Так можно другие примеры приводить.

Национализм разрушителен для империй, поэтому национализма у нас быть не должно, поэтому говорили именно о евразийстве. О некоем специфическом коде культурном, который господствует именно у нас, на нашей Русской равнине и в Южной Сибири и Средней Азии. Евразийский тип человека, который не является националистичным. Как говорил Достоевский, «мы всечеловеки», как говорил Блок, «нам внятно все, и острый галльский смысл, и сумрачный германский гений». Мы умеем понимать чужие нации, мы с удовольствием впитываем чужую культуру. Обама, как бы глашатай мира, сказал: «Мы исключительная нация». А мы можем ему в ответ сказать: «мы включительная нация». То есть, мы включали в себя все, у нас населения России, Московии, в войне, когда была война с Польшей, это начало XVII века, было 7 миллионов человек. Как получилось, что у нас к XX веку оказалось 150 миллионов, а потом Советский Союз, и 250 миллионов? Как получилось, что выросло так население? Не потому что плодились и размножались, а потому что включали в себя большое количество наций. Здесь было лучше жить. Сюда ехали итальянцы, сюда ехали немцы. Сюда ехали очень многие. Вообще в Российскую империю просились очень многие страны, и мы могли владеть всякими островами и кусками по всему миру, просто отказывались. Кстати говоря, и от своих окраин отказывались. Та же Грузия просилась в Российскую империю 15 раз. Украина, та еще, во время ее этих внутренних войн, она же тоже просилась несколько раз в Российскую империю. И только потом Хмельницкому разрешили воссоединение. То есть мы не стремились захватывать, мы понимали, что если мы покровительствуем кому-то, то мы не имеем права потом отказаться от этого покровительства. Если уж ты взял брата к себе в семью, то ты потом не можешь сказать ему, что ты уже опять не брат, до свидания. То есть, это уже все, навсегда. Поэтому с очень большим трудом принимали, но уж если принимали, то до конца.

Еще один из геополитиков, если так можно сказать, Леонтьев, который провозглашал доктрину византизма. Он считал Россию преемницей Византийской империи, а она в свою очередь – преемница греческой империи. То есть если Запад – римский, если Запад от Рима унаследовал все свое, то мы унаследовали напрямую от греков, от Византии. То есть мы тоже как бы Европа, вроде бы. Вся Европа вышла из Греции. Все науки сейчас разговаривают на греческом языке, все основные понятия это греческие понятия, введенные когда-то давно. Все понятия политические – это греческие понятия. Культура, искусство, образцы – это греческие образцы. То есть там зародилась западная цивилизация. И потом эта Греция была захвачена Римом. Потом Римская империя мутировала, раскололась на Западную и Восточную. Так вот, Западная – говорила на латинском языке и потом распалась под ударами варваров, а Восточная просуществовала еще тысячу лет. То есть Римской империи 500 лет, а тысячу лет еще Византийская империя существовала, гораздо больше, и она говорила на греческом языке. Константинополь был миллионным городом, когда европейские города насчитывали по 30 тыс. населения. Там был первый университет, там был самый большой христианский Храм в мире – св. София. Там были все святыни, в том числе Туринская плащаница, там богатства было столько, что крестоносцы после разграбления Византии потом сделали у себя целую эпоху Возрождения. И культурно вся эпоха Возрождения стала возможна только после усвоения Европой византийской учености. Я уж не говорю, о том, что Европу заново научили мыться. Так вот, мы правопреемники Византийской империи, а не Римской, не латинской. И в этом смысле мы в гораздо большей степени Европа, гораздо в большей степени Запад, чем они. У нас право первородства есть. Мы как бы культурно более чистокровные, скажем так, с точки зрения Леонтьева. И, кстати говоря, великий философ XX века Мартин Хайдеггер, когда закончилась Вторая мировая война в мае 1945 г., он сказал, что то, что Россия победила Германию и вообще всю Европу, потому что на стороне Германии была вся Европа, это говорит о том, что не надо думать, что победили какие-то варвары, ватники и коммунисты. Коммунисты, материалисты, которые думают, что материя

первична, а сознание вторично, они никогда не пойдут на пулемет и не погибнут, потому что для материалиста свое тело материальное, оно важнее всего. А всякий там дух, всякие святые какие-то вещи, Родина, они как бы не существуют для нормального материалиста. Поэтому, над тем, что у нас была материалистическая – марксистская идеология, которая говорила, что экономика первична, Хайдеггер смеялся. Он говорил, что это собачья чушь. То есть это поверхностная вещь очень. Конечно, те люди, которые говорят, что экономика первична, которым лишь бы поспать да пожрать, они не будут тысячами гибнуть, это люди, которые не будут совершать подвиги, не будут умирать за Родину. Понятно, говорил он, что в России победил некий Дух, гораздо более глубокий и древний, чем Дух Западной Европы. Дух, идущий напрямую из Византии и из Греции. Поскольку это был более древний дух, более старший дух, более близкий к истоку западного мира, то есть греческий дух, чем разбавленный латинский, поэтому он и победил, своего, что называется младшего брата.

Кого еще хочется отметить кроме Леонтьева. Был у нас такой философ Федоров в XIX веке, который тоже рассматривал глобальные геополитические проблемы, самые масштабные, какие только могут быть. В частности, изучая гегелевскую, самую современную на тот момент теорию, которая говорила, что история человечества это некое приближение к идеалу, к абсолюту, к концу истории, своего рода, и марксизм, который у Гегеля унаследовал именно это же, что история это такое движение к некоей точке, в конце концов, будет все хорошо, коммунизм настанет, Федоров задал себе такой вопрос: «А что же так получается, не по-христиански, что тысячи и миллионы жертв всей этой истории будут гнить в земле и страдать в аду, а плоды истории будут пожинать только какая-то горстка людей, которые будут жить в конце? Все тут умирали, был ужасный страх, голод, холод, войны кровавые, жестокость страшная, и все это для одних только потомков? Которые в конце истории будут жить при коммунизме и все у них будет хорошо, они будут счастливы, они будут творчеством заниматься, еды у них будет полно, тепло им будет, они будут наслаждаться. А вот им не стыдно будет наслаждаться, чисто так по-христиански, всем благолепием, зная, что это все держится на крови предков?». Это тот вопрос, который задавал в свое время Иван Карамазов в «Братьях Карамазовых» у Достоевского. Он говорил, а что если во всем этом мировом прогрессе везде в основании лежит зло, если весь он будет замешан всего лишь на слезинке одного ребенка? Вот возьмешь ли ты этот прогресс, возьмешь ли ты это всеобщее счастье и Царство Божие на Земле, примешь ли ты его, если будешь знать, что в основе его лежит слезинка замученного ребенка? Ребенка, которого какой-то барин затравил для потехи псами. Ну, просто барин на охоте взял у крестьянина ребенка, который ему не понравился и сказал: «А пусть его псы съедят». И псы его съели. А ведь в истории много таких случаев было, не говоря уже про страшные войны. Даже такое. И кто отомстит за этого ребенка? Вот коммунизм, вот Царство Божие на Земле. А внизу, в предшествующие эпохи было бы это все. Как решить эту проблему? Для западного человека нет никакой проблемы. «Мы в результате прогресса пришли к материальному благосостоянию, и мы никому ничем не обязаны». Для нас, для человека России, для христианина, для Федорова, это гигантская проблема. Проблема долга нашего отцам нашим. И он говорит: «Мы должны отдать долг отцам». А как мы можем отдать долг отцам? Мы должны сделать так, чтобы они тоже наслаждались этим счастьем. А как они будут наслаждаться этим счастьем, если они умерли? Значит, мы должны их оживить. И вот Христос воскрес, следовательно, это залог того, что все остальные тоже воскреснут и будут оживлены. Вот он поставил этот вопрос, он об этом сказал.

Дальше приходит Циолковский, наш, так сказать, следующий геополитик, который большой поклонник Федорова. И который рассуждает уже исходя из решенности этой задачи. Он говорит, что, ну, конечно, наука будущего найдет способ оживить всех людей. Да это вообще не вопрос. Но вот если мы оживим всех людей, как же они будут помещаться, бедненькие, на всей нашей планете, задумался Циолковский. Ведь они же места себе не най-

дут. Он даже расчеты произвел, сколько людей может жить на планете. Есть такое понятие, которое ввел еще Мальтус в XIX веке, английский автор, даже течение такое – «мальтузианство» возникло. Он ввел понятие жизненного пространства. Это понятие, которое означает, что человек не является вот этой замкнутой оболочкой, человек не сводится ко мне, конкретно. Вот моя индивидуальность. Но я каждую минуту дышу воздухом, следовательно, в меня, как такового, еще и входит тот пул воздуха, который я должен потребить за свою жизнь. Также входит вода. Также входят фрукты-овощи, мясо, одежда и масса других вещей. А сколько нужно земли, воздуха и всего остального для меня, чтобы я один жил. Можно все это посчитать, и выяснится, что мне нужно, например, десять соток земли, плюс сколько-то деревьев, сколько-то воды и еще чего-то. Все это посчитать можно. И когда вот так расчет делаешь и обнаруживается, что Земля может прокормить, например, десять миллиардов человек или еще сколько-то, на определенное текущее состояние технического прогресса. А остальные не влезут. И поэтому Циолковский говорит, что «Земля это колыбель разума, но нельзя вечно жить в колыбели». Поэтому нужно строить космические корабли и колонизировать другие планеты, колонизировать космос. Сидит у себя под Калугой и рассуждает вот так вот примерно. И говорит, что вообще «я самый великий человек, которого знает история. Более великого, чем я, наверное, даже и нет, потому что я поставил такие глобальные проблемы, которые никто не поставил». Представляю, как бы отнеслись к нему прагматичные американцы и так далее. Ну, просто дурак, которого нужно запереть в сумасшедший дом. Сидит нищий в лаптях, пухнет с голоду и рассчитывает, как нужно через сотни лет улететь с Земли! Вы себе такого человека, кроме русского, представить можете? Однако этого сумасшедшего читают другие, в том числе Королев, который конструирует космические аппараты. Да, нужно брать космос! Нужно действительно это все делать. И вот это направление, так называемого, русского космизма, которое изучает планеты, космос, которое рассчитывает, как мы будем жить. Русская фантастика. В 20-е годы, в 30-е годы, переживает бурный всплеск, бурный рост, где все это обсуждается. Ничего подобного нет на Западе. Там тоже есть фантасты, но они очень маргинальные. Такого как у нас, этого конечно нет. А в Германии был инженер Вернер фон Браун, который сделал «ФАУ-2». Местечко Пенемюнде в Германии. Он там испытывал «ФАУ-2». Это, по сути дела, первая межконтинентальная ракета, развивающая очень большую мощность и которая служила чисто в военных целях. И когда американцы захватили Вернера фон Брауна и увезли его к себе, они ему поставили задачу, чтобы он делал ракеты-носители. Про космос даже американцы и не задумывались. Зато мы, когда посмотрели на эту технологию, сразу стали думать про космос. Королев наш строил космическую ракету, была задача на государственной уровне, выделяли деньги, чтобы наши спутники вылетали в космос, чтобы мы полетели на орбиту.

То есть, смотрите какой геополитический шаг. Помните, что для Маккиндера главное была Земля, для Мэхэна главное – вода, для Хаусхофера – воздух. Для русских, для Королева – космос. То есть мы делаем по сути дела следующий шаг. Кто господствует в космосе, тот господствует в мире. Потому что мы господствуем над Землей. Откуда над ней господствовать? Вот она Земля, вот он шарик. И если ты из космоса на него смотришь... Вот где шахматная доска. Не там, где Бжезинский мыслит, что есть какие-то морские державы, есть суша какая-то, и он играет там на континенте. А мы сверху над всем Земным шаром этим играем. Для нас – весь шарик шахматная доска. Мы окружим его спутниками, мы окружим его станциями. Мы будем просвечивать и моря, и континенты, и римлэнд, и хартлэнд, и все на свете. Вот в чем была мысль Сталина, вот в чем была идея господства в космосе. Господствуя в космосе, ты господствуешь над всеми. Абсолютно. Уже можно сказать космополитика. Не геополитика, а космополитика. Потому что здесь «гео», Земля, взята уже в качестве глобуса. И мы начинаем. Сначала, естественно, мы первый спутник запускаем. Потом первого человека в космос. Это вызывает шок во всем мире. У американцев прежде всего шок,

потому что они вообще с ума сошли от этого. Как это так? Они думали, что нужно супермаркеты строить и кока-колу продавать. Общество потребления. А тут люди покоряют вершины. Все человечество смотрит с восхищением на Советский Союз. То есть, когда Майнинг говорит о том, что мы культурно должны покорять мир, то, что сделал Советский Союз выходом в космос, это и было, по сути дела, культурным покорением. Весь мир видел, на чьей стороне передовые технологии, на чьей стороне прогресс. Кто является передовой нацией, великой? Нацией, которая в космос идет, а не тот, который где-то на земле копошится. Энтузиазм был огромный, все были за Советский Союз, то есть вся интеллигенция в мире была за Советский Союз. Они нам бесплатно отдавали всевозможные секреты. То есть нашим разведчикам работать было легко. Приходишь в Америку. Все Советский Союз любят, все секреты тебе бесплатно дарят. Говорят: «Да наше правительство это жулики, капиталисты и все прочие. Вот вы, Советский Союз – надежда всего мира, надежда всей планеты». В СССР проводится Фестиваль молодежи и студентов. Вся молодежь бредит Советским Союзом. В 60-е годы все носят джинсы, это считалась рабочая, пролетарская одежда. А именно рабочие и захватили власть в Советском Союзе, власть рабочих и крестьян. Все читают Ленина, Троцкого, Мао Цзэдуна. Китай же тоже пошел по нашему пути. Хрущев говорит: «Западный мир напоминает мне старого выжившего из ума деда, который грозит отшлепать молодого, сильного, растущего индивида. А старики, они уже умирают. Он сидит и из могилы пытается нам чемто угрожать. Коммунизм это молодость мира. За нами будущее. За нами все!». Но этот старый дед, Запад, он естественно, испугался всего этого и понял, что собственно говоря, конец ему приходит. 1968 год. Революция по всему Западу. Вся молодежь бунтует. И против войны во Вьетнаме, против капитализма, против всего старого. Жгут машины. Университеты охвачены бунтами, все там хлопают, плакаты какие-то рисуют. Требуют отменить преподавание, требуют отменить карательную психиатрию и так далее. И вот на почве всего этого, естественно, сначала Запад говорит о том, что нужно мирное существование с Россией... и вообще капитализма и коммунизма. Запад почти признал поражение, он уже согласен быть всего лишь равным коммунизму, устами Нобелевского лауреата Гелбрейта. Наши вожди постепенно, в ответ, тоже успокоились, посчитали что коммунизм все равно придет. Помогать его приходу, это как бы «закат Солнца вручную». Ты, конечно, можешь помогать закату, но он и так будет. Капитализм все равно умрет. Это Маркс доказал в своих книгах. Поэтому можно успокоиться, можно перестать воевать с Западом, все равно ему конец. И вот тут была огромная ошибка. Десять лет, 70-е годы, мы мирно просуществовали. Запад запустил первого человека на Луну, показал, что он тоже что-то может. Потом общество потребления, те самые универсамы, универмаги, которые он везде ставит. Жвачка и кока-кола. А потом уже в 80-е годы, когда мы немножко обросли жирком, по сути дела у нас, у Советского Союза, была геронтократия, Рейган нанес ряд сокрушительных ударов, геополитических, по нашей стране.

При этом мы, в свою очередь, совершенно не считали геополитику наукой. Вот здесь очень важно, по каким причинам мы не считали геополитику наукой. Геополитика, сейчас я буду говорить, кстати, о ее границах и то, что не считали ее советские лидеры наукой, это не потому, что они глупые были люди, у них были свои резоны. Я прошу отдельно обратить на это внимание, чтобы мы понимали и не абсолютизировали геополитику. Я вот сейчас читаю лекцию про геополитику, и можно подумать, что я сам поклонник ее какой-то. Я прекрасно осознаю ее границы, я прекрасно осознаю ее узкие места. И это, кстати, осознавали советские лидеры. Другое дело, что они, когда осознавали ее узкие места, считали что поэтому ее и изучать не надо, поэтому ее и знать не надо. Раз это ошибочная какая-то там теория и неподходящая для России, то можно ее отбросить и вообще про нее забыть. Вот это было ошибкой. А на самом деле, если ты учишь историю какой-то науки, то ты должен учить ее не только по великим именам и великим открытиям. Ты должен учить ее и по

ошибочным теориям, по заблуждениям которые были. Потому что если ты знаешь заблуждения, ты, собственно, понимаешь, а в чем там был спор между тем, кто выиграл, и тем, кто проиграл, в чем была сама научная проблема. Поэтому, изучая это все, ты должен понимать и сильные стороны геополитики, и слабые стороны геополитики. Почему советские лидеры не признавали геополитики, в чем ее слабая сторона? Геополитика исходит из неких национальных интересов конкретной страны. То есть, представьте себе, есть у нас, например, Англия. Отдельная конкретная страна. Которая говорит, что наши национальные интересы состоят в том-то, в том-то и в том-то. А все остальное – это ресурс для того, чтобы этим национальным интересам способствовать, либо им мешать. То есть, геополитика это предельно националистическая теория в каком-то смысле. Как сказал лорд Пальмерстон, английский: «У Англии нет вечных врагов и нет вечных друзей, у Англии есть вечные интересы». Вечные интересы состоят в том, чтобы Англия доминировала в морях, доминировала над континентальными шельфами и портами, над континентами, и чтобы она имела ресурсы от этих континентов, для того, чтобы подпитывать свое доминирование. Здесь мы видим предельный эгоизм отдельной страны. То есть, геополитика это наука о том, как отдельной стране выжить, возможно, за счет других. Советские люди, поскольку они были марксисты, рассуждали о всем человечестве, чтобы человечеству всему было хорошо. Чтобы не было эксплуатации во всем мире, чтобы все люди были свободны, чтобы не было неравенства, чтобы все люди занимались творчеством каким-то, чтобы у всех была еда, чтобы никто не умирал с голоду и холоду, чтобы войн не было. Мы мыслим обо всем человечестве. Вот та самая идея нашего культурного типа. Почему марксизм так хорошо лег и был принят в России и потом в Советском Союзе, потому что это ложится на все христианство, на нашу христианскую сущность. А христианство у нас очень сильно укоренено. Недаром даже целое сословие, крестьяне – христиане. Потому что мы относимся ко всем людям равно, мы ко всему человечеству относимся равно. Мы не можем жить так, чтобы кому то было хорошо, а при этом другим было плохо. У нас спасение может быть, в христианстве, только соборное, только коллективное. У нас даже святые ставили такой вопрос: «А как в будущем могут святые наслаждаться раем, если они знают, что в аду мучаются грешники?». Как? Вот я такой весь в райских кущах, мне замечательно, а в аду кто-то в котле горит. Так святые даже говорили, что мне не надо этого рая, я пойду с грешником, в котле буду мучиться вместе с ним, потому что мне стыдно быть в раю, когда кто-то в аду. Или мы все вместе спасаемся, всей толпой, и все в раю, либо не нужно рая вообще. Вот как ставили вопрос наши многие святые. Поэтому мы мыслили обо всем человечестве. Поэтому когда нам говорили в Советском Союзе, нашим лидерам, про геополитику, мы отвечали что у Советского Союза нет национальных интересов, как отдельного конкретного национального государства. У Советского Союза цель, чтобы во всем мире победила свобода, равенство, братство и демократия. Вот если бы мы сказали, что у нас отдельный Советский Союз, у нас свои интересы, и за счет других мы будем эти интересы решать. Тогда да, геополитика нам нужна. А если у нас есть всемирное учение Маркса и Ленина, которое говорит, что мы освобождаем всех угнетенных во всем мире, независимо от того, индус он, латиноамериканец, китаец или негр престарелых лет. Мы всех их освобождаем, мы для всех живем, мы для всех трудимся, мы всем помогаем. Мы всем помогаем в борьбе с эксплуататорами, в борьбе с теми, кто стремится жить за счет других. Капиталисты это те, кто живут за счет других, это паразиты на теле общества. Маленькая верхушка эксплуатирует всех. Эта верхушка может быть и большой, то есть она может разрастись до размеров целой страны, например Америки. Вот она большая, эксплуатирует весь мир, Латинскую Америку, Африку и так далее. И даже рабочие в ней хорошо живут. Не только сами капиталисты, но и рабочие живут богато. Но они от этого эксплуататорами быть не перестают, они живут как паразит на теле всего остального мира. Так вот,

нужно чтобы в мире не было паразитов, поэтому мы за всех. Поэтому нам геополитика не нужна, у нас есть всемирно-историческое верное и истинное марксистское учение.

В каком-то смысле, это верно. Мы сейчас слишком много увлекаемся геополитикой, когда мы говорим о том, что мы должны мыслить о национальных интересах, это противоречит нашим тысячелетним традициям. Мы не должны быть страной-эгоистом, и мы тысячу лет строили свою империю, включая в семью народов всех, а не эксплуатируя других. Так и сейчас наша идея должна быть не национальной, а интернациональной. Наша идея должна быть всемирно-исторической. Как христианство, как тот же марксизм. Пусть это будет какая-то новая идея. Но мы должны быть за международное право. Наши идеи должны подходить всем. Мы должны предлагать что-то такое, что подходит не только для нас, а вообще для всего мира. Это могут использовать абсолютно все. И тогда у нас будет залог успеха. Если мы будем исходить из того что, что-то нам подходит, а другим не подходит, если будем исходить из национальных интересов, мы проиграем. Если мы будем мир делить на своих и чужих, мы проиграем. Вот, почему проиграл Гитлер? Гитлер проиграл, потому что у него в идеологии, не на уровне танков, у него в идеологии был изъян. Он считал, что есть немецкая раса, которая лучше всех в мире. Станете ли вы дружить с человеком, который говорит, что все вокруг недочеловеки, а я д'Артаньян? Не будете. Даже если так уж получилось, что он вас захватил, вынуждены вы с ним быть, но все равно он вам будет неприятен. Вот захватил Гитлер всю Европу, все равно французы ему какие-то палки в колеса ставили, все равно его не любили. Итальянцы не любили. Испанский, вроде бы фашист, Франко не помогал Гитлеру в войне. Он сказал, что вот если добровольцы захотят пойти воевать, пускай идут, а я своих армий, дивизий не дам. Вот, даже его собственные союзники ему не помогали. И при том нам, Сталину, многие помогли, при том, что он был коммунист. Он все равно умудрился создать большую коалицию, большой блок, пусть даже члены коалиции мыслили немножко по-другому, из своих геополитических соображений. Но он умудрился создать коалицию, которая победила потом Гитлера. Нельзя быть страной-эгоистом. Если мы будем исходить из политических своих интересов, если мы будем говорить, что у России есть такие-то интересы и мы их преследуем, то с нами никто не будет дружить. Нам скажут: «Ну и преследуй свои интересы. А нам-то, чукчам, что с этого?». Или нам, китайцам, что с этого, нам, индейцам, нам, латиноамериканцам? У нас свои интересы, у вас свои. Все! Россия должна исходить из таких интересов, которые будут интересами каждого человека в этом мире. Вот поэтому это предел геополитики.

Второе по минусам геополитики. Одна из аксиом, с которой начинал Маккиндер, состоит в том, что мир закончился, мир стал кругленьким, закончилась эпоха географических открытий. Нет внешнего ресурса для подпитки мира и вот это как хотите делите. Больше не будет. Все, пирог не увеличивается. И, следовательно, всегда есть жесткая нехватка ресурсов, и все страны борются за вот этот самый ресурс, которого мало и которого все меньше. Людей-то все больше и больше, а ресурса-то все меньше и меньше. Поэтому борьба нарастает. Друг друга начинаем грызть все с большей силой. То есть геополитика – это наука об вот этой грызне, наука о том, как оптимально использовать ресурсы, как бороться за ресурсы, в условиях нехватки ресурсов. То есть, одна из аксиом геополитики – это нехватка ресурсов, ограниченность мира. Так вот эта нехватка ресурсов, это на самом деле некий миф и недоверие человечеству. То есть, в чем опять ограниченность геополитики? Геополитика рассматривает человека как потребителя, прежде всего, потребителя ресурсов и потребителя пространства. Так делал Гитлер, когда он считал, что есть жизненное пространство, которое нужно захватить. А кто первый его захватит? Вот посмотрите. Он говорит, что вроде бы на нас русские не напали, но через сто лет русские расплодятся и придут сюда, им будет не хватать жизненного пространства и они отнимут его у немцев. Они вынуждены будут, потому что им не хватит. Их же много, они расплодятся и, будут

отнимать, им же нужно куда-то идти. Поэтому они нападут через сто лет. Но чтобы они не напали через сто, я должен напасть на них сейчас. Более того, они уже на меня напали. Они дышат моим воздухом, они ходят по земле, которую я бы мог обрабатывать, мои дети могли бы уже потреблять продукт этого труда, мой народ мог бы эксплуатировать. То есть война является перманентным состоянием, говорит он. И мы все как бы боремся за эти ресурсы. Да, их пока хватает. А в принципе уже можно говорить, что и не хватает. Мы разве бы отказались, если бы у нас, например, в десять раз было больше нефти. Все арабы бы исчезли, а вся нефть была бы наша. Ну, разве плохо? Американцы бы не отказались, и другие. Поэтому одно то, что уже где-то какие-то люди сидят на ресурсах или контролируют их, и в мире продают за какие-то деньги, и мы вынуждены работать, чтобы отдать продукт своего труда и в обмен получить что-то другое, это уже говорит о некоей нехватке ресурсов. Может было бы лучше, если бы все было наше и никому не нужно было бы платить. Правильно. Поэтому они исходят из потребительской модели человека. На само деле, модель человека творческая и этого геополитика не учитывает. Если мы посмотрим на историю человечества, то мы обнаружим очень интересную вещь, что, ну например, такая вещь как сельское хозяйство, что раньше для того чтобы прокормить одну семью в течение года нужно было, грубо говоря, десять гектар, а сейчас достаточно одного гектара. Технологии таковы, они усовершенствуются, что мы получаем с одного гектара столько, сколько раньше получали с десяти. А еще в какие-то времена, тысячу лет назад, со ста гектаров. Когда помните, было подсечное огневое земледелие. Приходили, рубили лес, сжигали, и сажали там. Сейчас такого нет, сейчас гидропоника есть. Когда на маленькой грядке, на метре на каком-то, стоят стеклянные колбочки и выращивают целую кучу продукта, огурцов, помидоров и так далее, которыми можно кормить человека целый год. То есть наука и техника развивается и способна больше производить и больше кормить людей. Дальше, смотрите, всякие редкие металлы. Ну, медь, например. Человечество раньше было меньше, то есть не было семь миллиардов как сейчас, было там миллиард или два. Но меди потребляло больше, чем сейчас потребляет, потому что мы экономней расходует эту самую медь. Она у нас в микросхемах, еще где-то, а раньше были гигантские медные провода. То есть если мы, увеличивая количество людей, потребляем меньше какого-либо ресурса, то может быть, на каком-то периоде мы можем вообще от него отказаться? Мы уже ее всю потребили, и может быть нам будет достаточно того, что мы когда-то добыли? И мы используем добытый уже ресурс и не надо добывать никакой новый. Мы просто используем тот, который есть, переплавляем его, в новые схемы вставляем. Закольцовываем. А может быть, на следующем этапе получится так, что мы даже тот добытый ресурс уже вернем обратно. Скажем, что нам столько не нужно. Экологи нам врут, что исчезают птицы. На самом деле птиц становится все больше и больше. Да, они исчезали сто лет назад, когда была промышленная революция, сейчас они расплодилось. Точно так же чистая вода. Сто лет назад чистой воды не было в мировых столицах нигде. Невозможно было ни в Берлине, ни в Москве, ни в Лондоне, нигде, пить воду из крана. Сейчас во всех городах ее можно пить. Везде раньше была холера, дизентерия, сейчас этого нет. То есть, мир на самом деле становится экологически чище и лучше. **И самое главное, статистика, при том, что население земли растет огромными темпами, и вот уже семь миллиардов, обеспеченность продуктами питания на душу населения выросла за эти сто лет.** То есть, население выросло огромными темпами, а при этом на каждую душу продуктами питания обеспеченность выше. То есть все вот эти товарищи, которые читали Дарвина и Мальтуса, а именно – Маккиндер, Мэхэн, Циолковский и все остальные, которые говорят, что Земли не хватит. Они все опирались на Дарвина и Мальтуса, которые говорили, что идет перенаселение Земли, что вот мы тут все сейчас помрем, что завтра, вот-вот-вот, не хватит нам ресурсов. На самом деле они ошибались. Людей становится все больше, а ресурсов тоже все больше. Потому что мы изобретаем, потому что мы открываем новые способы обхождения

с этим ресурсом. То есть ресурс не ограничен, а наоборот бесконечен. И чем больше людей рождается, чем больше среди них процент гениев, которые нам сделают новые открытия и помогут по-новому эксплуатировать ресурсы. То есть, проблемы перенаселения земли не существует, а это перенаселение – аксиома геополитики.

Поэтому еще раз хочу подчеркнуть, что геополитика это не абсолютная наука. Приведу такую аналогию. Представьте себе, что есть коробка, в коробке лежат зерна и живут хомячки. Так вот зерна исчезают, хомячки едят. Так вот, есть те, которые говорят, что да, зерна исчезают, давайте уменьшим потребление. У нас много таких отказников, которые говорят, что общество потребления это ужасно, нужно отказаться, уйти всем в леса, нужно там перестать есть то и то, потому что земли не хватит. Другие говорят, что давайте уменьшим количество хомячков. Давайте планировать рождаемость, чтобы четко было у нас запланировано, что хватит зерна на тысячу лет. По одному ребенку в семье, чтобы не дай Бог, лишние не рождались. А если лишние будут рождаться, то давайте делать так, чтобы убивать их в войнах или еще как-то. Могут быть агрессивные хомячки, которые захватят ресурсы и скажут, что остальных убиваем, и нам хватит. По принципу «умри ты сегодня, а я завтра». Я его сегодня убью, чтобы он не ел, но завтра все равно кончится, потому что уменьшается. Вот это логика геополитиков. А есть еще такой хомячок, который совершает самое абсурдное действие во всей этой ситуации. Он берет зерно, драгоценное, за которое все тут умирают, спорят, что его не хватает, и зарывает его в землю. То есть вместо того, чтобы его съесть или поделить, он зарывает его в землю. А, опачки, через месяц, или через два, оказывается, на этом месте всходит колос и там зерна в десять раз больше, чем он зарыл. Из одного зернышка десять возникают. И он всех накормил, всем хватило. Так вот, эти сумасшедшие хомячки, которые делают абсурдные действия, с позиции ресурсов, это и есть те самые творческие люди. Их очень мало, но именно им человечество обязано великим открытиям, научным, техническим и так далее. И в целом, человек, когда он рождается, это своего рода сырье, еще не известно, кем он станет. Вы можете сделать из него творца, вот такого хомячка, который увеличивает богатство на Земле, увеличивает ресурсы. А можете сделать из него потребителя, который жрет, и который других убивает, чтобы себе побольше досталось. Вот, одно из двух. Все зависит от воспитания. Воспитаешь вот таких, нет проблем у человечества, оно будет процветать и у него всего будет больше и больше. И людей будет больше, и ресурсов будет больше. Если ты воспитаешь вот этих вот стервятников, которые друг друга крошат, конкурируют, которые рвут, которые только потребляют, они перебьют друг друга и человечество погибнет. Вот собственно, альтернатива. И в этом смысле геополитика, с ее агрессивностью, с ее ставкой на то, что нам всегда что-то не хватает, эта наука чисто западная. Того самого Запада наука, который стремился всегда эксплуатировать кого-то. И нам нужно ее знать и знать, как они действуют, но это не значит, что мы должны стать такими же. Мы не должны изменять своим традициям. Не должны идти на поводу у них, и мы не должны заменять свое мышление, творческое, толерантное, мирно живущее с другими народами, стремящееся к общей пользе, на их мышление звериное, хищническое.

И вот в этой связи я как раз хотел сказать о современной геополитической теории. Назвать несколько имен. Есть теория русского философа, ученого, Владислава Савина. Он ныне живущий. Он публиковался немного, но не сильно. Он такой вот, как бы, гений, который пишет какие-то статьи, сам живет сейчас где-то в Китае. Он сформулировал теорию, которая в значительной степени не похожа на западные геополитические теории, и которая очень, по духу своему, русская и полезная для всех. Теория такого мирового баланса. Впервые, Савин исходил из того, что человеческое сознание устроено так, что оно может контролировать 7 ± 2 единиц информации одновременно. То есть, более сложная система, которая включает в себя более чем девять элементов, для человека является слишком сложной, и он ее не будет понимать. То есть, он не способен быть в ней даже экспертом. Он всегда

в ней что-то будет не догонять, скажем так. Что-то он будет не контролировать. Поэтому, если ты строишь модель какой-либо реальности (реальность же вообще сложна и мы оперируем только с моделями реальности) то ты ее должен упростить да такой степени, чтобы в ней было не больше девяти элементов. В противном случае эта теория будет нереалистичной, неспособной к использованию. Поэтому он взял и разделил мир на девять исторических типов. Он разделили мир на девять пространств. Культурно-исторических пространств. Если уж разбираться в мире, то не больше девяти их должно быть. Вот он и разделили их на девять. Евразия наша, та самая материковая сердцевина. Российская империя, Советский Союз, как угодно назовите, Северная Евразия. Отдельно Западная Европа, потому что она действительно имеет свои культурно-исторические истоки одни, из Римской империи выходила, в значительной степени, всегда и России противостояла, и мы с ней в течение всей истории танцевали друг вокруг друга. Понятно, отдельно Западная Европа. Отдельно, совершенно понятно, арабский мир. Потому что был когда-то арабский халифат, была Османская империя, это мусульманские страны, там своя специфическая культура. Все с ней понятно. Отдельно Черная Африка. Это та, которая за арабским миром, идет вниз, на юг. Древние племена, которые в значительной степени еще живут до сих пор в первобытном состоянии, языческом. И у них там множество племен, отношения свои какие-то, обычаи, табу и так далее. Индия, отдельная культура, с кастами, с ее духовностью, со специфическими вещами. Китай совершенно отдельный. Отдельная планета, можно сказать, полтора миллиарда населения, ну, как и Индия. То же со своими традициями, со всем на свете. Наконец, Австралия с Океанией, он отдельно выделил, хотя они в значительной степени под английским, европейским влиянием. Но он выделил их отдельно, потому что они просто географически отделенный от всех и составляют из себя отдельную историю. Да, сейчас они под неким влиянием, да, сейчас они культурно идут. Но это не значит, что так будет через сто лет. Они могут совершенно оторваться от этого, и там будет совершенно свой мир. Ну и конечно отдельно, Северная Америка, которую мы все знаем, нашу Америку, исключительную сверхдержаву. И Южная Америка, Латинская Америка, которая собственно возникла в результате испанской и португальской колонизации, перемешивание с индейцами и так далее. Вот девять. Между ними есть некие лимитрофы так называемые, то есть пограничные территории. Как эти девять пространств должны между собой взаимодействовать? И вот тут Савин вводит прекрасный принцип, который он взял как бы у Китая, а с другой стороны он был всегда известен всем геополитикам. Если на тебя кто-то напал или может напасть, дружи с его врагом, который находится в тылу. Чтобы он всегда знал, что может попасть между молотом и наковальней. Поэтому всегда стремились союзы заключать именно так. Вот великий наш император, Александр III Миротворец. Ему навязывали союзы с Германией, а он дружил с Францией. Почему? Потому что она в тылу у Германии находится. Так и здесь. Что предлагает Савин? Он говорит, что каждое пространство должно дружить с тем пространством, которое находится в тылу у других. То есть дружить через одного. И тогда каждый будет держать друг друга за одно мягкое место. И тот не посмеет, что называется, напасть. Когда мы все дружим через одного вперемешку, то тогда мир находится в состоянии гармонии и баланса, как инь и янь. И тогда никто никуда не дернется, потому что у каждого в тылу есть его враг. И тогда мы можем развивать всяческое сотрудничество, друг на друга не нападать. Мир будет стабилен. Тройка, треугольник, самый стабильный элемент, пирамида самая стабильная вещь. Вот он и предлагает упростить. Девять пространств сшить в три супер-пространства. То есть еще больше упрощает. В три больших коалиции пространства.

Вот эти девять он делить по трем коалициям. Наша коалиция как звучит. Это Северная Евразия, (Россия), Индия и Латинская Америка. Почему именно эти? Потому что мы не граничим с ними нигде. С Индией у нас нет никаких проблем, ни территориальных споров, мы никогда за тысячу лет не вели с ними никаких войн, вообще. Мы всегда были ней-

тральные, мы всегда, можно сказать, дружили. Афанасий Никитин к ним ходил. А вообще современные генетические исследования говорят, что славяне, протославяне, и индийцы, северные, которые там касты устанавливали, это одна и та же генетическая гаплогруппа. То есть, мы просто братья, не двоюродные даже, абсолютно родные, одни и те же – генетически. Сто миллионов славян в Индии живет. Или можно сказать, что здесь живет 200 миллионов индусов. В общем, это одно и то же. Когда-то, пять тысяч лет назад, произошло разделение генетическое, и вот так вот получилось. Вообще родственники. Вот. Никаких с нами проблем нет. Латинская Америка следующая входит в наше пространство. Почему она входит? Потому что мы тоже с ними не имеем ну никаких ровным счетом конфликтов. Мы даже с Испанией не имели и не имеем. Российская империя никогда никак не пересекалась с ней. А уж с их колониями, с Латинской Америкой, вообще не имеем никаких проблем. Но зато Индия находится в тылу у арабского мира, который всегда наше подбрюшье поджигает, мусульманский мир, опасен для России. И она находится в тылу у Китая, который тоже всегда такой тенью на наш Дальний Восток ложится. А она уравнивает все. У нее населения как у Китая. Она у них в тылу находится, и если мы с ними входим в союз, партнерство и коалицию, в абсолютный, в военный союз, любой другой, они у себя в тылу будут иметь мощнейшего врага. И то же самое с Латинской Америкой. У кого она в тылу находится? У Северной Америки. У США. Поэтому американцы беспокоятся страшно, что мы ездим там и дружим с Чавесом, с Кастро, с Ортегой и так далее. Что там режимы, симпатизирующие России. Сейчас Путин совершил визит, он с Индией встречается и завязывает активные отношения. Мы продаем им оружие, строим для них авианосцы, электрические станции и так далее. И огромный вояж, который сейчас Путин совершил в Латинскую Америку, союзнический. Это правильно он делает, он завязывает вот этот треугольник. Треугольник, который на самом деле является могущественным, и он не даст никому никуда дернуться, если мы его скрепим. У наших врагов, скажем так, или партнеров мировых, есть другие треугольники. Скажем США. Для них партнерами являются, прежде всего, Арабский мир и Австралия. Австралия, потому что она находится в тылу, как бы, у Китая и Индии. На них фонит Австралия с Океанией. Да и вообще может контролировать Тихий океан, и в том числе Латинскую Америку, отсвечивать на них. То есть это такой большой авианосец Австралия, которая и на Латинскую Америку, и на Индию с Китаем. То есть может быть такой базой, контролирующей Тихий океан. Вот для них гигантский партнер. А другой гигантский партнер для них, это Арабский мир, который может все время дышать и на Африку, на Черную, и на Европу все время наезжать, так сказать, они уже проникли во всю Европу, и на Россию, и на Индию. На всех. Арабский мир в центре Евразии. Поэтому сейчас там Арабская весна, поэтому там сейчас реформирует Америка все очень сильно и очень серьезно, я бы сказал так, «кидает» Израиль. Потому что раньше они в этом мире опирались на Израиль и балансировали. Они то Израилю помогают, то арабам, то еще кому то. Они все время как бы разводящие. Приезжают и какие-то сделки заключают, и американский президент осеняет все мирные союзы. И как только они завраждуют, он тут же мирит всех. И без Америки прям никуда. Сейчас они подумали: «А зачем нам сейчас этот Израиль? Пусть его бы не было лучше». Они думают: «Ах, гад этот Сталин, который придумал этот Израиль и создал из-за этого там проблему...». А пускай будет единый арабский халифат, который в союзническом отношении с нами будет находиться, очень националистичный, мусульманский, но который будет мочить Россию, мочить Европу, мочить Индию, мочить Черную Африку и всех на свете. И будет агрессивно выполнять нашу волю, а мы ему будем покровительствовать из-за океана и сделаем его нашим оружием. Аль-Каида, которая будет не против нас, а на нашей стороне. А может просто – посеять там хаос и всех разводить, как раньше... Я не знаю, что у них получится, но им важен это регион. Вот их коалиция. Ну, и наконец, Китай. Точнее третья коалиция. Китай, Европа и Черная Африка. Сейчас Черную Африку Китай окучивает

по полной программе, забирает у них все ресурсы. Везде там китайские инженеры работают, везде китайские рабочие. Вплоть до того что уголовников китайских туда присылают, для того, чтобы они там работали на каких-то работах, предприятиях и так далее. Союз идет, прежде всего, касательно земледелия, фруктов-овощей, ну и конечно полезных ископаемых, которых огромное количество в Черной Африке. Все они там сейчас завязаны на Китай, Китай все это покупает. Ну и Европа. Европа в этом треугольнике, они контролируют Арабский мир, они контролируют Россию. Им сам Бог велел дружить между собой. И с Европы могут быть, конечно, и технологии, стандарты и все на свете. Вот три коалиции больших пространств. Если они оформятся окончательно друг с другом и будут друг друга держать за мягкое место, то мир может вступить в некий такой баланс, сбалансированность такую, когда никто никогда не сможет покуситься на эти пространства. Внутри этих пространств, естественно, будет развиваться некая своя специфика. То есть человечество не едино, оно многолико, но поскольку оно живет вот в этом балансе, в котором оно не может трогать друг друга, и осознает свою разнородность и вот эту сбалансированность, оно может развивать внутри этих пространств свою специфичность определенную. Каждый может на чем-то специализироваться внутри этого мира. Зная о своей самобытности, он может это развивать и не стремиться всех под одну гребенку подстроить. То есть, мир будет с одной стороны сбалансированный, с другой стороны очень разный. И это хорошо, что он будет разный.

К сожалению, пока у нас господствуют другие геополитические теории. И если мы говорим о современности, то мы можем говорить, как бы заключительная часть лекции, о том, какой стратегии придерживается каждая из сторон в этой ситуации.

Первое – США. США придерживается той стратегии, о которой я практически говорил сегодня в течение всего времени. Это геополитика, которая у них родилась. Они считают себя мировым островом. Они считают, что нужно сдерживать Россию и максимально ослаблять ее. И вообще они считают, как Бжезинский говорил, что нужно играть на мировой шахматной доске. А играть на ней, это значит разделять и властвовать. По сути дела, современная теория американская, это теория управляемого хаоса. То есть, их геополитика упростилась до максимальной простоты. Она состоит в том, чтобы везде было плохо, тогда у нас будет хорошо. То есть доллар тогда будет мировой валютой, когда у нас будет самый лучший инвестиционный климат. Мы будем тогда сильны, когда все остальные слабы. Вот представим, что весь мир передрался. Везде идут войны, везде какие-то нестабильные режимы, какие-то революции, какие-то гражданские войны, еще что-то такое. Ну, разве может какой-то бизнесмен вкладывать деньги в ситуации, когда такой хаос творится? Конечно, не может. Тогда где он будет вкладывать деньги, или как минимум хранить? Вкладывать он может где угодно, делать какие-то гешефты, маленькие бизнесы, что-то добывать. А где он их будет хранить? Он будет хранить их здесь, в Америке. Мы дадим ему юрисдикцию и так далее, и будем его крепко держать за одно место. И если он дернется куда-нибудь, то мы ему всегда скажем: «Ай, ай, ай! Или мы у тебя все забираем или ты будешь соблюдать наши интересы и будешь проводником». Возникает такой спрут, который везде за что-то дергает, везде вносит какую-то нестабильность и при этом получает у себя на острове вот этот вот гешефт, богатство, которое может всем демонстрировать. А заодно перекачивать к себе мировую элиту: ученую, культурную, предпринимательскую. «Смотрите ребята. Мы самые богатые, мы самые красивые, мы самые умные, у нас лучше всех все. Поэтому, пожалуйста, делайте, как мы говорим. Если мы лидеры, если мы самые красивые, берите с нас пример, в том смысле делайте, как мы говорим. Не просто берите пример, а делайте как мы. Мы вас научим». Самое основное богатство, которое есть, которое высасывается со всего мира, это человеческие мозги. Творцы, вот те самые, про которых я говорил. Творцы, те люди, которые умеют творить новый прибавочный продукт, технический прогресс, гуманитарные какие-то новые вещи, модные вещи. Высасываются со всего мира. Американский университет это место

где русский профессор читает лекции японским студентам. Здесь поэтому все самое модное, технически совершенное, самое лучшее и здесь самые высокие стандарты потребления. Все смотрят на Америку и говорят: «Конечно, как прекрасно, как здорово, конечно, они мировой лидер». Ну, естественно, военная мощь. Чтобы всегда можно было послать авианосец и со всеми разобратся. То есть, везде вводится, с одной стороны, глобальное управление. Доктрина американцев это глобальное управление. Они считают себя единственной глобальной державой, то есть державой, которая над всем миром, и управляет всем. То есть, им есть до всего дело, до самого маленького последнего острова где-нибудь там в каком-нибудь Тихом океане. До всего есть дело. Все остальные державы региональные. Вот Россия, вы, пожалуйста, занимайтесь своей Россией. Германия, занимайтесь всем вокруг Германии, но не надо лезть в другие места. Во все остальные места может лезть только Америка. Но обратной стороной этого глобализма, вроде бы стандартов определенных, что везде есть Макдональдс, везде есть Старбакс, везде есть Айпад, везде есть какие-то другие американские стандарты, интернет, в конце концов, обратной стороной медали является очень большое разнообразие в этом мире. Условием глобального господства американцев является что? Войны. Различия! Чтобы люди всегда друг с другом воевали, чтобы они были друг на друга не похожи. Поэтому американская доктрина состоит в том, чтобы сеять различия. Они говорят: «А это защита прав меньшинств». «Вот вы люди какой-то особой национальности и такого-то языка, мы вас защищаем. А у вас там какая-то специфическая религия. А у вас специфические половые потребности и качества. А вот у вас какие-то еще есть особенности идеологические. А вы вообще имеете другую историю. А вы еще что-то». И чем вас таких разных больше, тем всегда легче, с одной стороны, вас друг на друга натравливать, потому что вы разные, вы же будете свое защищать, вы же не похожи на других, вы же каждый сам по себе, а, следовательно, оцетинившись, ощущаете весь мир как врагов, которые мешают вашей идентичности. И чем вот этих стойких и крепких идентичностей больше, чем больше все будет атомизировано, тем больше этих войн будет. Но зато чем больше войн, чем больше конфликтов, тем больше потребностей в судье, в едином стандарте, в едином законе, который придет и вас разведет. Кого надо защитит, кого надо похвалит, кого надо уничтожит, кого надо зачистит в соответствии с интересами данного конкретного момента. Через пятьдесят лет это может быть по-другому. Сегодня самый лучший друг, потом враг. Пожалуйста, Вьетнам. Был в свое время врагом Америки, потому что по доктрине Спайкмэна нужно было, чтобы Индокитай был в зоне влияния Америки. Следовательно, Америка должна была этот кусок Индокитая захватить, а это Вьетнам. Вот они воевали, вводили войска, миллион человек уничтожили. Сейчас поднялся Китай. Американцы решили окружить Китай со всех сторон своими сателлитами. А тут Вьетнам. И тут же стали американцы лучшими друзьями вьетнамцев. Сейчас уже вьетнамцы американцев любят, хотя они их уничтожили миллион человек, если не больше. Я точные цифры не знаю, может быть и больше. Наверняка больше, кстати. Все забыто, все нормально, сейчас вьетнамцы лучшие друзья. А китайцы с вьетнамцами, в конфликте между которыми погибло всего несколько десятков тысяч человек, все еще дерутся и США подначивают этот конфликт. Вот умудряются американцы манипулировать всей ситуацией. И еще раз повторю, это две стороны одной медали, глобализм и унификация, и вот эти вот различия между всеми, различными нациями, народами и различными меньшинствами. Потому что ими тогда глобально легче управлять в этом мире.

Как ведут себя другие страны? Позиция Китая состоит в определенном выжидании. Он считает, что он сейчас тихо и мирно растет. И как говорит китайская народная пословица: «Нужно сидеть на вершине холма и ждать, когда труп твоего врага проплывет мимо». Он считает что Америка и Россия, и так далее, столкнутся в этом мире. И когда они там столкнутся, то мы китайцы, потом приобретем весь мир, ничего не делая. Воевать китайцы не собираются, хотя у них мощнейшая, вторая по мощности в мире, армия. Но они не собира-

ются, они не очень-то умеют это делать. Глобальное управление для китайцев тоже вещь довольно тяжелая. Эта нация националистическая. Китайский язык и специфика его состоит в том, что он не способен принять в себя иностранные слова. Любое слово, допустим лист бумаги, слово «лист» на китайском языке должно быть разделено на два иероглифа. Например, ли-ст, причем «ли» будет иметь несколько значений, «ст» тоже будет иметь какое-то значение. Мы не можем вставить. Вот мы берем, например слово айпэд и вставляем спокойно в русский язык, и употребляем его наравне с обычными словами и он обозначает вещь. А у китайцев нужно разделить его на «ай» и «пэд», и «ай» будет обозначать там что-то, и «пэд» что-то, и он будет слышать совершенно другое. И нельзя вот эту вещь назвать этим словом, обязательно нужно перевести на китайский язык. И оно у них будет как-то по-своему звучать. То есть абсолютно язык не включающий в себя. Точно такое же у них и мышление. То есть, они националистическая нация, они не включительная нация как русские. Националистической нации очень трудно глобально управлять. Китайцы могут проникать в те или иные системы управления других стран. Они так это и делают по Юго-Восточной Азии. Они могут диаспорами присутствовать по всему миру, они могут быть некой такой сильной доминирующей, в том числе в экономике разных стран, страной или диаспорой. Но у них нет опыта мирового глобального управления, и нет умения, и нет, наверное, такого желания, пока, на сегодняшний момент. Они мечтают быть, и хотят быть самой крупной региональной державой и державой, без которой не решаются никакие мировые дела, в том числе. И при этом усиливать свою мощь за счет слабости каких-то соперников. Поэтому Китай будет помогать поочередно, то Америке, то нам, то всем остальным. В данном случае он видит, что Россия находится в некоем уязвимом положении, что американцы на нас начали атаку, они помогают и поддерживают нас. Если будет какая-то слабость в Америке, то они будут поддерживать Америку. Тем более, что они и с Америкой, и с Россией, довольно серьезно интегрированы по финансовому потоку. То есть, они будут стремиться вот такой вот баланс соблюдать, при этом наращивая собственный авторитет. От Китая пока какого-то удара в спину ждать не приходится, но нужно иметь его всегда в виду, что такая возможность может быть осуществлена. Потому что Китай для нас все-таки является соседом, и между нами существует демографическая, экономическая напряженность. У нас семь миллионов человек на Дальнем Востоке, от Байкала и до Дальнего Востока. У Китая на этой же территории живет 200 миллионов человек. Дисбаланс огромный. Понятно, что китайцы больше стремятся на юг, что не особенно их интересует вроде бы север. Но с другой стороны, там у нас находится лес, это очень большое богатство строительное для Китая, и там находится пресная вода. Самое большое богатство в этом мире, это пресная вода. Самый большой дефицит в этом мире, это пресная вода. А озеро Байкал, если его по рыночным ценам продавать, оно стоит больше чем стоимость всех Соединенных Штатов. То есть у нас в России есть такое богатство, озеро Байкал, самое глубокое озеро. Вот если взять цену литра воды, чистой, которая у нас в киосках продается, и взять литрами воды измерить этот Байкал и посчитать, сколько это по рыночной стоимости. То это стоит больше чем все богатство, все золото, все банки, все заводы, все-все-все Соединенных Штатов. Поэтому мы обладаем колоссальным богатством. А нехватка, самая большая в мире, именно пресной воды. Поэтому уже айсберги хотят гнать в Африку, и много чего. То есть это большая проблема при растущем населении, и арабском населении, и африканском населении, да и китайском, собственно говоря, и индийском. Поэтому, конечно, на наш Байкал они смотрят, и на сибирские богатства смотрят, там энергетика, там все. То есть, они не хотят там жить, они хотят, чтобы это шло и добывалось. Пока Россия это обеспечивает, они спокойно на это смотрят. Если по какой-то причине возникнет такая случайность, что они будут иметь возможность это захватить, то они это смогут захватить и сделают это. Естественно пока мы являемся атомной державой, пока у нас есть субъектность, они на это не посягнут. Америка, в свою очередь, вот я гово-

рил, что она сеет вражду, сейчас ей нестабильность особенно выгодна. Америка имеет большой внешний долг, ну как многие европейские страны. Америка и ее банковская система находится в большом кризисе. То есть, собственно говоря, там нет новых идей. Экономика, нынешняя, заемная экономика, это экономика, которая занимает у будущего. То есть предполагается, что когда мы занимаем, печатаем деньги, что в будущем мы отдадим. А в будущем мы способны отдать только тогда, когда у нас растет производительность труда. Производительность труда растет очень медленно, к сожалению, в Западном мире, несмотря на новые изобретения, интернет и прочее, потому что общество потребления, которое существует последние 20–30 лет, привело к тому, что мы вырастили большое количество потребителей, а не производителей. Производительность труда растет медленно, научно-технический прогресс замедляется, следовательно, те займы, которые мы одалживаем у будущего, забираем, они накапливаются и не отдаются. Поэтому будущее, как говорится, требует вернуть долг и если исходить из греческой космогонической теории, у них время течет из будущего. И если в мире случаются какие-то сбои, какие-то вещи, то это из будущего к нам как бы приходят такие события, которые меняют разрывы постепенности. Так вот те авансы, которые мы у будущего делали, деньги которые мы забирали, вообще все, что, мы одалживали у будущего, оно теперь требует назад. Оно в виде кризисов, в виде войн стучится к нам в наше настоящее. И американцы хотят, как они уже это делали в Первой и Второй мировых войнах, сбросить на нас, на плечи Европы, основное бремя этой войны. Первая мировая война, напомним, произошла на территории континента. В этой войне пострадали, Германия очень сильно, Франция очень сильно, Россия пострадала. В выигрыше оказалась одна Англия. Она сумела всех друг с другом сравнить. Все пострадали. Англия молодец, и Америка тоже. Вторая мировая война то же самое. Пострадали, Германия, вся Европа в руинах была, Советский Союз был в руинах, 50 миллионов человек погибло. Даже Англия пострадала, потеряла колонии. Выиграла Америка во всей этой ситуации. Она всем потом помогала, доллар стал мировой валютой, всем все стало хорошо. Сейчас, когда пришел очередной кризис, задача Америки состоит в том, чтобы война списала все долги. Чтобы опять в Европе были руины, а Америка опять там, за океаном отсидится. Самое слабое наше место. Товарооборот между Россией и Европой составляет 500 миллиардов долларов. К тому же соединение русских ресурсов и европейских технологий, в том числе гуманитарных дает невиданную в мире силу. Товарооборот растет. Это очень большой товарооборот, он больше чем товарооборот между США и Китаем. Поэтому если мы нанесем удар сюда, думают американцы, то сейчас в результате мирового кризиса у России слабый экономический рост, 2–3 %, у Европы там, 1 % экономический рост, если мы наносим этот удар по товарообороту, то просаживается Россия, просаживается Европа. Выгодно кому? Выгодно Америке. Слабое звено, Украина. Которая в силу отсутствия государственных традиций, отсутствия на протяжении истории государственности и специфического менталитета, специфического географического исторического положения оказалась слабым звеном, которое оказалось можно запутать, обдурить. Вложить пять миллиардов долларов в мозги, в перековку этих мозгов, подвесить им морковку в виде европейской сладкой жизни, которой естественно никогда бы не было, внушить русофобские настроения, которые воспитывались 25 лет. Крайний национализм, конечно, антироссийский. В результате этого, через нее, через Украину проходит газовый транзит, между Россией и Европой, страдает производитель Россия, страдает потребитель Европа, что и нужно Америке. Естественно, в качестве запала выбрана Украина. Вот она сейчас загорелась. В результате этой войны, гражданской, уже идут обмены санкциями, товарооборот между Россией и Европой падает, экономические показатели все будут падать. То есть пока Америка достигает успеха в своей стратегии... Пока! Слава Богу, что Россия может объяснять это Европе, и Европа тоже уже догадывается кому все это выгодно. Может случиться так, что в ближайшее время, через полгода, например, мы с Европой окажемся

союзниками. Сейчас люди уже говорят о том, что нужно освободить Германию, Европу от американской оккупации, в Европе многие люди говорят. Эти голоса все слышнее. И может случиться так, что таких людей сегодня 20 %, а завтра будет 40 %, а послезавтра 60 %. И тогда уже американцам будет довольно трудно все это сделать. Возможно, что наш подход, говорящий, что людям с мировой суши надо объединяться, против агрессора с другой стороны, он сработает, и мы не дадим себя друг с другом поссорить. Хотя это, конечно, довольно трудно, потому что в значительно степени элементы колониальной системы американской распространены на Европу. Там военные базы, там господство СМИ американских и спецслужб американских, золотые запасы европейских стран хранятся в США... Поэтому задача России, в чем состоит? Искать себе как можно больше союзников. Такими союзниками, конечно, может быть Китай, который не доволен тем, что Америка окружает Китай по периметру своими марионеточными режимами, Монгольским режимом, террористы в Уйгурском автономном округе, Тайвань, Япония, Вьетнам, сейчас попытка проамериканского переворота была в Таиланде, Тибет, Далай-лама который живет в Америке и всяческие антикитайские вещи транслирует. То есть полностью окружен Китай. Китай этим недоволен и мы используем это недовольство, мы дружим с Китаем. Второе, мы дружим с Индией, которая видит, что Англия и Америка продолжают их эксплуатировать. Элементы колониальной системы остались. Сейчас правительство Моди, которое пришло, индийское, оно крайне националистично, не в том смысле, что оно за каких-то индусов, в Индии 60 официальных языков, у него вообще не может быть национализма, там националистическая партия, которая рассматривает Индию всю как отдельную нацию, которая будет достигать своих интересов, отстаивает их в борьбе с империализмом, американским, прежде всего. Потом мы за Латинскую Америку, которую самым нещадным образом в XX веке эксплуатировали США. Везде в Латинской Америке были поставлены диктаторские режимы, именно диктаторские, которые самым жестоким образом обращались с населением Латинской Америки. То есть, там буквально были фашисты практически во всех странах, которые убивали, расстреливали простой народ. Везде эти фашисты, сейчас, свергнуты, практически, везде к власти пришли демократические правительства. А учитывая, что мы помогали очень многим латиноамериканцам, они у нас учились здесь, Советский Союз вообще очень много им помогал в борьбе как раз, с диктаторскими режимами. Сейчас эти люди, многие из них, интеллигенция пришла к власти, они в целом очень позитивно настроены к России и очень негативно к США. То есть вот, союзники. Мы имеем позиции хорошие. Есть позиции и в Африке, которой мы тоже в свое время помогали бороться с колониализмом, Советский Союз помогал. Именно благодаря Советскому Союзу сейчас в Африке 50 или сколько-то государств, типа этого. Раньше там их было меньше. Именно благодаря автомату Калашникова, нашим поставкам, национально-освободительным движениям, там появилось очень много разных государств, которые воевали с колониализмом. Поэтому они за нас. И наконец, Арабский мир, который видит и видел то, что сделала Америка с ним сейчас. Что американское вмешательство привело к тому, что все в Арабском мире лежит в руинах. Если мы получим авторитет в Арабском мире, у нас действительно живет 10 % мусульман на территории России. Можно это рассматривать как минус, что вот это некая пятая колонна мусульманского мира внутри нас, а можно рассматривать как плюс. То есть можно рассматривать этих людей, как тех, которые будут нашими агентами и проводниками в мусульманском мире, если мы их всех туда направим и настроим. Но для этого нужна специфическая политика, нужно чтобы здесь эти мусульмане окрепли. Можно им тут даже собственный университет создать, потому что они сейчас ездят учиться куда-то в Каир, в Турцию. А почему бы им здесь не учиться, почему бы здесь не создать особую мусульманскую школу со своим течением и так далее? Которое будет постепенно захватывать, влияние на весь мусульманский мир оказывать. И показывать, что мы-то, как раз несем мирное сосуществование с исламом, а вмешательство Америки, оно всегда

вредоносно для них, как собственно, мы видели. Америка эксплуатирует их недра, берет их нефть и у них же устраивает всевозможные бомбежки и все на свете. В конце концов, мы можем напомнить и Израилю, что у истоков его создания стоял Советский Союз. И что мы всегда с евреями мирно жили и спасали их, в том числе от геноцида немецкого.

А Европа? Можно напомнить, что мы никогда не были с ней во вражде, и мы никогда не нападали на нее. Они нападали на нас, да, вражда в этом смысле была. Мы на них никогда не нападали и им бояться совершенно нечего. Что вообще вся эта история с НАТО была чисто американской разводкой, что в 1946 году, в 1949 году, в 1948 году, они внушили Европе, американцы, что Россия страна вдов и инвалидов, которая только что потеряла 25 миллионов человек с разрушенной экономикой, может им чем-то угрожать, каким-то страшным коммунизмом. И они создали этот блок НАТО, под американским покровительством. Хотя, например, Де Голль, француз, сразу это видел. Он не хотел в НАТО входить, он считал, что это явная американская попытка установления американского доминирования и колониализма в Европе. Поэтому мы создали Варшавский договор в ответ на создание НАТО. И мы всегда стремились к мирному сосуществованию с Европой. Мы строили газопроводы, еще в 70-е годы, а Америка всегда мешала этого делать. Мы стремились объединить Европу и Азию, стремились быть мостом между ними, а Америка всегда мешала этому. Если американское иго над Европой падет – Евросоюз обретет собственную субъектность, потому что сейчас он субъектом не является. Мы знаем, что есть Евросоюз, что есть валюта евро, и мы знаем, что архитектор этого Евросоюза, Германия и Франция, тайную мысль имели выйти из-под покровительства Соединенных Штатов. То есть французы, голлисты, они имели эту цель, восстановления, и немцы имели цель вернуть доминирование Германии в Европе. Вот они совместно объединились. Но сейчас, вместо того чтобы отстаивать свои интересы против Америки, мы видим как Олланд и Меркель, по сути дела, предают интересы Европы и своих стран. Играя в санкции, играя вот в эту американскую дудку. Почему они это делали? Европа, как я уже говорил, имеет низкий экономический рост, маленький. Они рассчитывали, что за счет Украины они приобретут некий новый рынок и это поможет им чуть-чуть выжить и подняться. Поэтому они, конечно, стремились к этой ассоциации с Украиной, хотели ее хорошенечко пограбить. Но сейчас, когда они увидели, что от Украины осталась мертвое место, горящая пылающая страна, и она не представляет из себя никакого рынка. Интерес у них к ней пропал. По идее, все предпосылки для того, чтобы теперь уже не союзничать с США в этом вопросе у них есть. «Агрессивный Путин, агрессивная Россия», которая вот-вот может кого-то захватить, если не дай Бог не будет сил НАТО, конечно, для них является угрозой какой-то. Но это, по большому счету, наша информационная недоработка. Если бы мы культурно и ментально Европу покоряли, если бы они здесь чаще бывали, если бы они здесь на нас смотрели, если бы они чаще общались – все было бы для нас гораздо лучше. Не мы к ним туда приезжали! Потому что у нас русский народ любит приезжать, если он на отдыхе, он отдыхает. Он там выпивает, закусывает, веселится. Нормальному мирному гражданину, который живет нормальной мирной жизнью, это веселье кажется немножко диковатым. Поэтому они могут считать, что мы там варвары. А вот если бы они к нам приезжали? Сейчас Европа отдыхает в основном у себя же на юге, по 70–80 миллионов человек. Если бы они путешествовали по Сибири, по Золотому кольцу, по Дальнему Востоку, любовались бы на вулканы Камчатки и так далее. **То есть, нам надо отменять с Европой визовый режим, вообще полностью.**

Чтобы они спокойно здесь перемещались. Тем более что курс рубля и евро и суммы зарплат делают их отдых у нас дешевым. Чтобы они смотрели на нас мирных, чтобы они видели нашу историю, чтобы они дорожили этой историей. Чтобы мы, наши экскурсоводы пропахали им все мозги. Тогда у них будет совершенно другое отношение. Вот американец, я совсем недавно встречал здесь, он приезжал, американец из Техаса, который никогда прак-

тически не покидал территорию своей страны. Он приезжал, посмотрел на Сергиев Посад, посмотрел на Москву и говорит: «Слушайте, а нам рассказывали, что у вас здесь одни военные и танки. А я не видел ни одного военного и ни одного танка, пока находился в Москве и в Подмоскovie». И вот, если также бы мыслили еще 100, хотя бы, миллионов американцев, которые бы побывали у нас, наверное, было бы для страны, для нашей безопасности очень хорошо. Поэтому я бы говорил, у меня книга посвящена этому, «Суверенитет духа», что самое главное богатство, это культура. И если мы духовно светим для других наций, если мы являемся ценностью для других наций, то это наша самая главная гарантия собственной безопасности, гораздо больше, чем любая атомная бомба. Вот у Ватикана нет атомной бомбы, а он сосредотачивает в себе огромное количество богатств. Защищает его всего лишь триста гвардейцев швейцарских. Почему бы его не захватить? Причем там не демократия, там правит всем Римский Папа, это абсолютная монархия, тоталитарная абсолютно. Почему бы не захватить Ватикан? Ну, вот Европа говорит, что Лукашенко, это последний диктатор Европы. А у Папы Римского гораздо больше власти, чем у батьки Лукашенко, там вообще никакой демократии нет. Давайте сейчас будем бороться за права простых ватиканцев. Тоталитарный режим давайте свергать в центре Европы находящийся. Тем более его можно пограбить. Но никто не тронет Ватикан, потому что это центр мировой религии, с которой, так или иначе, соотносит себя полмиллиарда человек. И если ты Ватикан тронешь, то эти полмиллиарда очень сильно обидятся. Точно также Мекку нельзя трогать. Точно также других нельзя трогать. Хотя вроде в Ватикане нет атомной бомбы. Так вот нужно стать вот таким вот Ватиканом, своего рода. Такой страной, которую никто не тронет, потому что дорожат ей. В Японии есть закон, что каждые десять или двадцать лет, по-моему, нужно сносить дома, чтобы обновлять. Вот ты построил дом, потом нужно будет через двадцать лет снести, чтобы новый строить, чтобы ветхого жилья не было, за исключением исторических памятников. Вот страна должна быть таким историческим памятником, чтобы его никто никогда не мог сносить, чтобы его любили. Я могу относиться очень плохо, например, к Англии, я знаю, что в течение всей истории они нам вредили, царей наших убивали, революции у нас устраивали. На руках у англичан море крови русских людей. У меня нет никаких иллюзий по отношению к ним. Но я могу приехать в Лондон, и я вижу этот прекрасный город, и это само по себе культурная ценность. И никогда, ни у меня, ни у какого-то другого человека не возникнет мысли нажать кнопку, чтобы Лондон стереть с лица Земли. Ну, просто потому, что это варварство будет. При всем притом, что они с нами такое делали. Вот нужно добиться такого же отношения к нам. Чтобы было невозможно нанести вред России, просто потому, что эти люди должны быть влюблены в Россию. А это культурполитика. Это как бы уже геополитика, давно вышедшая за собственную грань. То есть здесь уже не география, не природа определяет, а определяет культура. Мы должны свою культуру пропагандировать, навязывать всем. И тратить на образование и культуру не меньше, чем на оборону.

Информационные войны

Часть 1

Что такое информационная война?

Здравствуйте! Сегодня мы начинаем курс из шести лекций, касающихся информационных войн и способах борьбы в этих информационных войнах, как эти информационные осуществляются, кто их ведет, как можно в них противостоять информационному воздействию и как самим тоже вести это информационное воздействие.

Первая лекция из этого цикла дает представление о понятии «информационная война», значение информационных войн в истории.

Мы часто, в публицистике, или вообще, для себя, считаем, что информационные войны, это что-то совершенно непохожее на настоящую войну. Вот есть война, которая с танками, с пушками, с взрывами, с убитыми людьми, с ранеными и так далее. То есть что-то такое, к чему мы привыкли по фильмам, по каким-то хроникам. А информационная война это что-то идущее в газетах, где-то далеко, и вообще-то бескровно и не так страшно, как война настоящая. На самом деле, вот это представление о том, что информационная война является войной не настоящей, оно глубоко ошибочно. На самом деле всякая война сама по себе, по своей сущности и своим целям, является, прежде всего, информационной войной. То есть дело обстоит не так, что есть настоящие, горячие войны, и где-то в сторонке холодная война, в качестве какого-то довесочка, или сопровождения, чего-то вторичного такого. На самом деле сущность даже горячей войны, настоящей войны с убитыми и ранеными, сущность этой войны это информационная война. Что стоит за этим утверждением? Что воздействие, которое хочет оказать горячая война, настоящая война, на человека, на государство, на страну, это воздействие, прежде всего, на волю и на сознание стороны, с которой воюют.

Для чего вообще воевать? Для чего один царь, государь воюет с другим царем, или одно государство с другим государством? Просто так, людям делать нечего, они берут и уничтожают население друг друга? Конечно, нет. Война возникает там, где есть какая-то война амбиций. То есть, например, один говорит, что данная земля моя, а другой говорит, что она его. И возникает некий спор. Возникает несогласие по территориям, или по экономическим вопросам, или по политическим вопросам. Раньше могли воевать и из-за религиозных вопросов. Да и сейчас тоже. Даже из-за браков могли воевать, что кто-то там не на той женился. Любая причина может быть. Но смысл в том, что один говорит: «Нет, я сильнее, я прав». А другой говорит: «Нет, я прав». Так вот, война это способ доказать другому лицу, или другому народу, или группе людей, элите какой-то, то, что они не правы, или что они слабее. Вот мы сильнее, мы свою точку зрения проведем. То есть война это способ воздействовать на сознание противника и на волю противника. Сознание и воля являются ключевыми вещами. А убийства мирных граждан, столкновение войск, эти битвы и так далее, это только средство воздействия на сознание и волю. Не более того. Это средство, а не цель. Потому что если бы какой-то человек, или какой-то правитель, армия какая-то имели бы способ воздействовать на волю и сознание противника каким-то иным способом, кроме как введения армии, введения войск, то они бы, наверное, другим способом это бы и делали. Если воля противника побеждена настолько, что он готов сдаться... Вот ты говоришь, что данная территория моя. И он говорит: «Все, я сдаюсь. Забирай». То какой смысл с ним вести какую-то дополнительную войну? Все, он уже готов. Если у нас есть такое средство, то не

нужна никакая горячая война. Надо ли тратить свои силы? Нужно ли идти каким-то войскам погибать в борьбе за какие-то амбиции, за какие-то речи, если противник и так сдался?

Или у тебя есть средство, на него каким-то образом воздействовать, чтобы он сдался. Поэтому, конечно, этим средством воспользовались бы, если бы его имели. Или представим себе, что есть такое чудесное средство, волшебная палочка. Ты ею махнул, а противник взял и убил сам себя. Для многих это было бы тоже великолепным выходом. Многих войн бы в истории не было, если бы у кого-то была такая волшебная палочка. И многие сказки нам рассказывают, что такие своего рода волшебные палочки существовали в мечтах. Сами сказки воплощали такие мечты.

Или, допустим, у нас есть средство заставить противника работать на нас. То есть одно дело, что он там себя убивает или сдаётся, то есть остается просто чистая территория. А представьте, противник со всей его огромной силой, со всеми его мощностями, он начинает полностью работать на твое государство, на дальнего претендента. Тоже прекрасно и чудесно, это тоже воздействие на волю.

Или представьте себе, что противник до такой степени поражен вашим чудо-оружием, что он идет и сам умирает в борьбе за тебя, идет с другими твоими врагами воевать и драться. То есть не ты своих людей посылаешь на смерть, и не свои ресурсы тратишь, не свою экономику, например, а идет противник это все делает. Разве отказался бы какой-то правитель в истории, с амбициями, от таких средств. И действительно все в истории правители искали это средство. Они понимали, что прямое воздействие на сознание, прямое воздействие на волю, является самым важным. Лучше стратеги в истории, они именно непосредственным образом так и действовали. Можно привести много примеров. Например, знаменитые китайские стратегемы. Когда находится советник в одном осажденном городе, к нему подходят войска противника, а сил защитить свой город нет. Тогда советник придумывает хитрость: «Откройте ворота города и пусть метельщики подметают улицы». Когда противник подошел, он увидел, что ворота города открыты. И дальше противнику пришлось думать, что что-то тут не то, скорее всего здесь какая-то ловушка.

После этого войско, подумав, развернулось и ушло. Что здесь было применено, в чем суть хитрости? Суть хитрости – воздействие на сознание этого противника. Если ты так умеешь информационно воздействовать, если ты каким-то способом формируешь сознание своему противнику, то иногда можно обойтись и без кровопролитных жертв и без всевозможных штурмов.

Поэтому информационная война часто ведет к цели напрямую, без чисто военных горячих действий. И во-вторых, эффект от информационной войны гораздо выше, больше, чем эффект от чисто военных действий.

Вот мы часто говорим, у нас в публицистике такое пишут, что Россия, Советский Союз, проиграла Холодную войну. И это вроде бы не так страшно, как если бы мы проиграли Первую мировую войну, Вторую или еще что-то. Вот тогда было бы много убитых, было бы много раненых, разрушенные города. А на самом деле давайте поедем в российскую глубинку и посмотрим, 200 километров от Москвы достаточно отъехать, и вы увидите села, в которых не живут люди. Стоят печки от домов, стоят разрушенные коровники, разрушенные фермы, точно такие же, как когда-то мы видели в хронике, например, Второй мировой войны. Вот фашисты прошли по Белоруссии, по Украине, и показывает нам военная хроника, что осталось после них. И вот мы видим такие же разрушенные здания, разрушенные заводы, разрушенные фермы. Мы можем увидеть их сейчас. Только никакие фашисты не проходили по нашим вологодским, или архангельским селам, или курганским, сибирским каким-нибудь, уральским. Хотя все это там можно увидеть. Как это получилось? Кто разрушил все эти фермы, коровники, заводы на окраинах наших городов, вот сейчас. Разрушили сами люди. Вот в той же деревне, колхозники, так называемые, бывшие, которые почему-то

решили, что без колхоза им будет жить лучше, стали жить хуже. А потом они стали воровать с этих ферм, бывших колхозных, себе стройматериалы. Сначала стекла вытащили, потом все деревянное забрали, крышу, потом кирпичи стали растаскивать и в итоге получилось то, что получилось. И то же самое было с другими объектами. Так вот эти люди, которые сначала все растащили, и потом не увидели дальнейшего смысла жизни, они потом еще и пить стали больше, чем пили до этого. И в итоге, мы еще имели и убыль населения в среднем по 700 тысяч человек в год все 90-е годы. И если мы это все посчитаем, то это намного превосходит жертвы наших людей, которые наша Российская империя потеряла в Первой мировой войне, намного больше, чем мы в Гражданской войне потеряли. И спрашивается тогда, что было страшнее, вот этот проигрыш в Холодной войне, или те горячие, так называемые, войны? Вроде бы никто вот так вот не умирал, вроде бы как бы убийств никаких не было, геноцида никакого не было. А на самом деле населения погибло также как от любой другой войны, и даже больше. И это все говорит только о том, что результаты любой холодной войны, они гораздо больше. И вот какая штука, что после горячей войны мы можем мобилизоваться, мы можем взять и начать строить страну, восстанавливать. А после холодной войны мы до сих пор не можем мобилизоваться, мы до сих пор не понимаем, что с нами произошло. Разруха как бы продолжается, потому, что она является разрухой в головах. Помните как в известном кино «Собачье сердце» сказал профессор Преображенский, когда ему сказали, что свет гаснет в доме, потому что в стране разруха, он ответил, что разруха в головах у людей. Что если мы все будем петь песни, вместо того чтобы делать свое дело, если мы будем сами мусорить, если мы сами будем ходить мимо туалета, а не в туалет, тогда в туалете настанет разруха. Вот эта разруха в головах она собственно и порождается информационным воздействием, она и есть главный результат вот этой самой холодной войны. И основная цель информационных войн, это информационные бомбы, которые разрушат сознание, которые разрушат волю. Задача именно и посеять разруху в головах. Именно там и проводятся кампании, спецоперации, в информационных разных носителях, средствах массовой информации или каким-то другим способом, для того, чтобы сложившиеся у человека ценности, которые в голове у него есть. Разрушается видение прошлого, разрушается видение будущего, символы, которые делают людей одним народом. Иерархии какие-то, структуры, понимание какого-то порядка, того как нужно поступать, того как не нужно поступать. Эти вещи разрушаются с помощью информационного воздействия, и возникает та самая разруха в головах, которая уже приводит к разрухе в жизни.

Средств для ведения информационных войн было очень много всегда, во все времена. Я приводил только что пример, как хитрый китайский стратег обманул целую армию. Были другие способы. Изготавливали поддельные документы, например. Известны нам всем «Константинов дар» в Средневековье, которые католики использовали для обоснования своего права господства над другими. Или другие различные фальшивые документы изготавливались. Шпионы всевозможные воздействовали с помощью доносов ложных, клеветы. Перехваченные письма, якобы, от одного короля к другому, или от одного полководца к другому. И этим людям потом голову рубили, за то, что они предали кого-то. Много было всего. И мы, наверное, всего сейчас не упомянем, не расскажем. История вещь очень большая. Имеет смысл посмотреть на нашу недавнюю историю. Хотя бы XX век взять и посмотреть какие-то эпизоды информационного воздействия. Тем более что XX век был в значительной степени веком информационных войн, а XXI вообще выходит на чистые информационные войны.

Ну XX век. Возьмем Первую мировую войну и подготовку к ней. Россия, как известно, была в союзе с Англией и Францией, это была Антанта. А противник наш в Первой мировой войне это Германия и Австро-Венгрия, две империи. И одна из крупных спецопераций, которая касалась нашей страны, которая касается сейчас нас, и мы постоянно об этом помним и постоянно об этом говорим. Это воздействие на жителей Западной Украины, превра-

щение большого количества людей в противников России. Что происходило, что было на Западной Украине в конце XIX века? Это был центр русского патриотизма. Все люди, которые жили во Львове и вокруг, называли себя русскими. Слово украинец использовалось не как национальность, а как житель определенной территории, окраины. Украинец – окраинец. Это было такое же название, как уралец, сибиряк, то есть человек, житель определенной области, а не определенной национальности. И люди по национальности сами себя считали русскими. И они очень сильно сопротивлялись Австро-Венгерской империи, в состав которой они входили. Они мечтали о соединении с Россией, они мечтали о том, что они будут со своими братьями православными. Там, правда, было деление, кто-то был православный, кто-то был униат-католик. Но, по крайней мере, они мечтали быть вместе со славянами. И люди, которые приезжали туда, говорили, что патриотизму русские люди должны учиться у львовских братьев, у жителей Западной Украины. Вот как надо любить Россию, говорили они. Граф Бобринский, например, в Государственной Думе выступал, и говорил, что мы все русские должны поучиться русскому патриотизму у жителей Западной Украины. Это вот то место, где самые главные голосовальщики за майдан. Сто лет прошло с тех пор всего лишь. Чем тогда занималась Австро-Венгерская империя? Она придумала проект превращения жителей этих территорий в отдельную нацию. Нацию украинцев. Было затрачено огромное количество денег на этот проект. Был профессор Грушевский специально выписан из Киева, ему дали кафедру, открыли во Львове специальную кафедру украинской истории. Он тут же написал несколько томов так называемой «украинской истории», где просто взял всю русскую историю, и там где было слово «русский», написал «украинец». Был русский князь Владимир, он стал украинским князем Володимиром. И так далее, и так далее. Так возникла целая украинская история огромная. То же самое с языком. Был, конечно, язык народный, как и у всех. Сибирские деревни на одном языке говорили, донские на другом, Русский Север – на третьем. Всегда были диалектные особенности. И конечно диалектные особенности были и у тех жителей. Но это взяли за основу, объявили украинским языком, а когда поняли что в этом украинском языке не хватает огромного количества слов, например научной терминологии и прочих, то просто взяли тупо из польского. Не из близкого русского, а из польского. И таким образом дополнили язык до полного объема. Та же самая, информационная спецоперация осуществлялась. Не говоря уже про то, что молодых людей тренировали в специальных лагерях, воспитывали у них ненависть к Российской империи. И потом эти люди, когда собственно начались военные действия, настроенные соответствующим образом, просто начали убивать тех, кто продолжал называть себя русским. Но даже в 30-е годы половина жителей Западной Украины продолжала называть себя русскими. Сейчас таких людей осталось несколько процентов. Спрашивается, куда они делись? Это одни и те же люди, их потомки. Просто их паспорта, их национальная идентичность поменялась. Сейчас там центр самого большого русофобского антирусского движения, в этом самом месте. Вот, пожалуйста, спецоперация. Это все отражается вот сейчас на нашей жизни. Результат операции, которая была проведена 100 лет назад. Подробнее смотрите об этом в моей книге «Американское сало».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.